

SCIENCE TIME

Общество Науки и Творчества

*Международный
научный журнал*

Выпуск №3/2021

**Материалы Международных научно-практических мероприятий
Общества Науки и Творчества (г. Казань)
за март 2021 года**

ОНТ

Общество Науки и Творчества

КАЗАНЬ

2021 год

Журнал «Science Time»: Материалы Международных научно-практических мероприятий Общества Науки и Творчества за март 2021 года / Под общ. ред. С.В. Кузьмина. – Казань, 2021.

Выходные данные для цитирования:
Science Time. – 2021. – № 3 (87).

ISSN 2310-7006

Редколлегия:

1. Муратова Н.Ф. – кандидат филологических наук, доцент Университета журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана, г. Ташкент, Узбекистан.
2. Шумакова С.Н. – кандидат искусствоведения Харьковской государственной академии культуры, г. Харьков, Украина.
3. Равочкин Н.Н. – кандидат философских наук, доцент Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии, г. Кемерово, Россия.
4. Никитинский Е.С. – доктор педагогических наук, профессор Университета «Туран-Астана», г. Нур-Султан, Казахстан.
5. Волженцева И.В. – доктор психологических наук, профессор Переяслав-Хмельницкого государственного педагогического университета им. Г.С. Сковороды, г. Переяслав, Украина.
6. Муталиева Л.М. – кандидат экономических наук, доцент Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан.
7. Акимжанов Т.К. – доктор юридических наук, профессор Университета «Туран», г. Алматы, Казахстан.
8. Хусаинова Р.А. – доктор фармацевтических наук, доцент Ташкентского фармацевтического института, г. Ташкент, Узбекистан.
9. Ильященко Д.П. – кандидат технических наук, доцент Юргинского технологического института Томского политехнического университета, г. Юрга, Россия.
10. Анисимова В.В. – кандидат географических наук, доцент Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия.

Материалы данного журнала размещаются в НЭБ eLibrary.

Для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

© Коллектив авторов, 2021.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел «Культурология»

Стр. 5 Петрик В.В. Интонирование как основа исполнительской игры
Стр. 11 Полевая А.И. Зависимость категории эмотивности от типа повествователя в художественном тексте

Раздел «Юриспруденция»

Стр. 16 Федоров А.А. Основы адвокатского представительства в гражданском процессе

Раздел «Психология, социология и образование»

Стр. 25 Гордеев А.Е. Физическая культура как наука
Стр. 29 Коляда Н.Я. Психологический портрет целевой аудитории в спортивном маркетинге
Стр. 35 Прокофьева В.А. Использование интерактивных онлайн-площадок для преподавания китайского языка людям с проблемами слуха
Стр. 39 Султанова А.Т., Остроух Е.П. Психология социальных медиа: как человеческое восприятие влияет на эффективность маркетинга
Стр. 48 Шилов Н.П., Паренюк Н.Ю. Создание комфортного климата на занятиях при изучении иностранного языка

Раздел «Политология»

Стр. 52 Budurina-Goreacii C., Cebotari S. The role of political doctrines in the international system of states
Стр. 58 Cebotari S., Budurina-Goreacii C. The impact of the Brexit on British overseas territories

Раздел «Вопросы развития общества»

Стр. 63 Шаймарданов Ш.Р. Анализ организации комплаенс-контроля в российских банках
Стр. 68 Сариккулов М.Х. Опасности, угрожающие человечеству
Стр. 72 Янь Цзин. Понятие энергетической безопасности в современных исследованиях

Тема номера

Стр. 80 Шойимов Й.Ю. Анализ магнитных цепей датчиков тока с многовитковыми сердечниками

ИНТОНИРОВАНИЕ КАК ОСНОВА ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ИГРЫ

*Петрик Валентина Васильевна,
Луганская государственная академия культуры
и искусств имени М. Матусовского, г. Луганск*

E-mail: petrikvaly@mail.ua

Аннотация. В статье рассматривается проблема музыкального мышления с позиций исполнительского теоретического осмысления. Исследуется мышление музыканта-инструменталиста, представляющее собой специфический мыслительный процесс со сложным комплексом взаимодействующих и взаимовлияющих эмоционально-образных, интонационно-смысловых и интонационно-инструментальных факторов.

Ключевые слова: исполнительское интонирование, сценический слух, инструментальный слух, диалог.

В свете асафьевского учения об интонации (определение музыки как «искусства интонируемого смысла», а самого интонирования – как «проявления мысли») проблема музыкального мышления попадает в центр как музыковедческих исследований, так и теоретического осмысления исполнителей: «Мысль, чтобы стать звуково выраженной, становится интонацией и превращается в единство, в ритмо-интонацию слова-тона, в новое качество, богатое выразительными возможностями» [1, с. 211].

Переход от слуха – способности слышать – к активному исполнительскому интонированию является сложным многоэтапным процессом. Следует отметить, что физиологической основой исполнительского слуха выступает ощущение, вокальный или инструментальный слух – это не просто слух (способность слышания), это нечто большее. Для его развития недостаточно владения одной лишь техникой вокала или инструментализма. Здесь важной является способность восприятия слухом тончайших изменений звучания, склонность мускулатуры к осознанию этих изменений (ведь самый короткий путь лежит через моторику), наконец, чувствительность инструмента и ощущение этой чувствительности (неслучайно исполнители, за исключением пианистов и органистов, играют на своем собственном, личном инструменте и проходят непростую адаптацию при смене инструмента, даже на более качественный). В

процессе поиска выразительных интонаций, целенаправленно отбирая необходимые варианты звучания, исполнитель интуитивно находит и соответствующие технические приемы, которые в дальнейшем обычно фиксируются путем повторения. Признаком целесообразности движений инструменталиста и является соответствие извлеченных звуков слуховому представлению. Однако между слуховой и двигательной сферами существует неоднозначная связь: не всегда исполнитель способен добиваться искомого звучания за счет целесообразного движения (не все целенаправленные движения целесообразны). Дело в том, что современные физиологи доказали, что «высшие уровни центральной нервной системы, координирующие двигательный процесс по смысловой линии с помощью слуховых ощущений, проявляют известную индифферентность к двигательной форме рабочих приемов. В свою очередь, подчиненные уровни, ответственные за данную сторону двигательного процесса, «безграмотны» (как метко замечает известный физиолог Н. Бернштейн) и сами по себе, без вмешательства сознания не способны обеспечить квалифицированную базу для сложнейших и чрезвычайно тонких специализированных движений» [4, с. 4]. Таким образом, рациональные технические приемы не могут автоматически прикладываться к художественному образу, бессознательно рождаясь из творческого посыла музыканта. «Эти приемы формируются в процессе столкновения слуховых представлений с индивидуальными опорными данными играющего. И никто при этом не может поручиться, что в результате подобного столкновения возникает именно такая техническая форма, которая наилучшим образом будет служить поставленным целям» [4, с. 4]. Здесь необходим правильный выбор наиболее надежного и рационального варианта для достижения поставленной художественной цели. Для успешного решения последней, в свою очередь, необходимо, чтобы исполнитель владел необходимой физиологической базой отбора целесообразных исполнительских приемов – так называемой «физиологической проводимостью» (термин О. Шульпякова) [4, с. 4]. Тогда «приказы» центральной нервной системы беспрепятственно достигают рабочих органов и приводят к намеченному эффекту, не расходуясь «вхолостую». Другое, не менее важное условие для достижения поставленной художественной цели – обращение на пользу так называемых инерционных сил, возникающих при функционировании сложных многозвенных систем (такой системой, несомненно, в первую очередь является рука исполнителя), превращение их из «противника» музыканта в его «союзника». Сделать трудное – удобным, удобное – приятным, приятное – прекрасным, по К. Станиславскому. Для этого требуется определить рациональную или, как говорят физиологи, адекватную форму двигательного действия. Правда, в отдельных случаях можно найти рациональное движение и на слух, но это уже будет свидетельствовать о незаурядной моторной одаренности субъекта, и подходить к подобному явлению следует скорее как к исключению, нежели как к правилу.

Одной из важнейших закономерностей в процессе исполнительского интонирования Н.А. Давыдов считает следующее: «Не должно быть полного

противопоставления техники от смысла технике от клавиатуры. Необходим оптимальный подход: мышечно-осознательного, осознательно--мышечного контроля слуховым, интонационно-смысловым художественным целям и заданиям не исключает и спортивно-слухового аспекта овладения отдельными элементарными навыками, умениями и приемами» [3, с. 36].

Рассмотренные позиции физиологической целесообразности важны для любой индивидуальной исполнительской техники в сочетании с ее психологической обусловленностью. В ситуации концертного исполнения действие исполнительского слуха усложняется «двойным» контролем обратной связи с публикой, акустическими особенностями зала, необходимостью контроля и за театрализовано-пространственными действиями. Присутствие слушателей – необходимое условие исполнительской деятельности и активизирующий ее фактор. Оценочные суждения слушательской аудитории входят в музыкальный тезаурус в равноправном диалоге с исполнительскими оценками, выраженными в интерпретации. Здесь вступают в действие диалогические законы исполнительства. Именно по отношению к слушателю диалог как коммуникативный феномен приобретает наибольшую «реальность», так как в этом случае он осуществляется как обмен информацией между субъектами общения, у каждого из которых есть своя суверенная «территория» и свой особый способ «высказывания». В диалоге между исполнителем и слушателем также становится наиболее очевидной целесообразность исполнительского диалога, то, для чего он совершается, его конкретные результаты и т.п., то есть – прагматика диалога. К тому же, слушатель является вполне реальным субъектом художественной коммуникации, но его предполагаемая диалогическая реакция, его «ответ», личностное «высказывание» осуществляется в сознании и непосредственно, во всем объеме психологического содержания не сообщается другим участникам диалога. Известно, что особая природа художественного переживания связана именно с задержкой «наружных проявлений», усиливающей интенсивность и интегративность психологических показателей данного переживания. Слушательский «ответ» условен и достигает сознания исполнителя опосредованно (поведение слушательской аудитории, почитателей или противников, оценки в прессе и т.д.), но занимает важное место в исполнительском творчестве. М. Карасева в этой связи специально вводит понятие «сценического слуха». По ее мнению, работа над совершенствованием профессиональных навыков музыканта связана с выработкой у него слуха, «в котором сконцентрировались бы все слуховые навыки, ранее полученные исполнителем» [5, с. 177]. В качестве доказательства подобного высшего мастерства исполнителя приводятся слова Гегеля: «В ощущении человек оказывается во власти производимых на него воздействий, но он, однако, освобождает себя от этой власти, если может свои ощущения довести до созерцания». Под последним Карасева понимает диссоциацию – восприятие себя как бы со стороны, рассуждая применительно к музыкантам-исполнителям о «технике ассоциированного и диссоциированного артистического исполнения»:

«Любитель может позволить себе удовольствие пребывать в ассоциированной позиции восприятия, то есть полностью находиться внутри себя в процессе игры. Профессиональный исполнитель, как и профессиональный актер, при этом еще обязан представлять диссоциированно, то есть со стороны, как летят в зал посылаемые им звуки, как он моделирует семантическую структуру произведения, как подстраивается нюансам тембру и интонации к другим участникам ансамбля» [5, с. 177]. Интересно, что подобный «опыт созерцания» как обязательный в своей «игре в бисер» (прекрасная метафора игре на инструменте) вводят ее профессиональные игроки в романе Г. Гессе «Игра в бисер» [2, с. 44]. Однако неточным было бы считать, что исполнитель то трезво наблюдает за собой, то погружается в омут своих переживаний. Неверным будет и представление о полной синхронизации артистом ассоциированного и диссоциированного подходов в своем выступлении. Правильнее говорить о мгновенных переключениях из одной позиции восприятия в другую.

Интересны в этой связи наблюдения К. Мартинсена, который предложил в своей работе «Творческий урок фортепиано» анализ участия слуховой сферы в исполнительском процессе [6, с. 254]. Он произвел сравнительный анализ между исполнительским процессом талантливого музыканта и музыканта со средними данными и пришел к выводу, что в исполнении первого перевешивает слуховая сфера, контролирующая звучание, тогда как в исполнении второго – на первый план выходит технический аппарат, навязывающий свою волю, а слуховая сфера пытается контролировать технику, а не качество звучания.

Таким образом, понятие «инструментального слуха» включает в себя, прежде всего, качественные показатели исполнительского интонирования как инструментального звучания, создающего непосредственные индикаторы стиля исполняемой музыки и исполнительского стиля музыканта. Инструментальный слух – способность отличать и использовать все интонационные возможности инструмента, умение своевременно распознавать и решать проблемы интонирования в игровом аппарате и «ответе» инструмента, связанные с техническими, физиологическими причинами, с конструктивными особенностями инструмента. Инструментальный слух – комплексное явление, возникающее в результате взаимосвязи между многими сенсорными системами и органами чувств, а также между основными звеньями творческого исполнительского процесса.

В этой сложной взаимосвязи важную роль играет непосредственное ощущение исполнителем инструмента, их «партнерский» контакт, диалог, общение «на Вы» или «на Ты». Талантливый исполнитель-инструменталист создает у слушателя иллюзию непосредственного рождения звуков из-под руки даже на таких «инженерно» сложных инструментах, как фортепиано, орган, баян, где исполнитель не контактирует прямо с источником звука – струной или металлическим язычком. В исполнительстве же на струнных щипковых инструментах подобный «контакт» – явление еще и буквальное: качество звука зависит от точки соприкосновения струны с металлическим порожком («ладом»)

в левой руке от точки колебания струны медиатором в правой, интенсивности прижатия струны к ладу, углов колебания и нажатия, его интенсивности, посадки исполнителя и т.д. Явление подобного срачивания исполнителя с инструментом, своеобразный «эффект кентавра» часто отмечается музыкальными критиками. Поскольку любой диалог сопрягается с проблемой смысла и понимания, диалогическая природа отношений исполнителя и его инструмента приобретает семантическую окраску.

Собственно, музыка как творческий исполнительский феномен представляет собой сложный многоуровневый процесс, необходимой стороной которого всегда остается диалогичность [8, с. 189]. Природа и значение этой диалогичности обусловлены коммуникативными и семантическими функциями музыки. Пересечение этих функциональных планов в «точке» художественного диалога обнаруживает как их взаимообусловленность, так и принципиальные отличия. Можно сказать, что данные функциональные планы представляют разные уровни и направления музыкальной диалогичности. О. Филатова, анализируя диалог в музыке как «специфическую форму общения», констатирует его «организацию на жанровом уровне» и «направленность вовне – в «пространство» социализированного слушательского сознания, вместе с ним – в круг контекстных условий формирования данного сознания, определяющих его принадлежность к тому либо иному культурно-историческому типу. Таким образом, жанровый уровень исполнительского диалога в музыке представляет историческую детерминированность, контекстуальную зависимость коммуникативных функций музыки, прагматизм музыкально-творческого опыта. Данный уровень осуществляется в связи с обстановкой исполнения его участниками, характером творческого акта (например, общинностью или индивидуацией), инструментальностью музыкального события в широком и узком значениях – как приуроченностью, жизненной предназначенностью, ситуативным соответствием музыки, с одной стороны, как привлеченностью определенных средств исполнения, собственно «инструментария», с другой. Внешние условия музыкального диалога трансформируются в композиционные, как во внутримызыкальное коммуникативное пространство. Эти вопросы специально исследует Е. Назайкинский [7, с. 155].

Собственно проблема исполнительского диалога не являлась еще предметом специального исследования (за исключением, пожалуй, указанной работы О. Филатовой), хотя она неизбежно затрагивалась при обращении к вопросам исполнительской интерпретации. Можно говорить даже о привычном отношении в музыковедческих и теоретических исполнительских работах к ней как к проблеме исполнительского сотворчества, то есть в связи с обособлением позиции исполнителя как автора интерпретации музыкального произведения и, таким образом, соавтора композиторского замысла.

Литература:

1. Асафьев Б. Музыкальная форма как процесс: в 2 кн. / Б. Асафьев. – Кн. 2. – Л.: Музгиз, 1963. – 379 с.
2. Гессе Г. Игра в бисер / Г. Гессе. – М.: Правда, 1992. – 496 с.
3. Давидов М. Теоретичні основи формування виконавської майстерності баяніста / М. Давидов. – К.: Музична Україна, 1983. – 240 с.
4. Ищук В.В. Некоторые аспекты музыкально-исполнительского мышления индивида [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.uspu.yar.ru](http://www.uspu.yar.ru)
5. Карасева М. Профессиональный музыкальный слух в контексте современной практической психологии / М. Карасева // Музыкальная академия. – 1999. – № 4. – С. 172-185.
6. Мартинсен К. А. Индивидуальная фортепианная техника / К.А.Мартинсен. – М.: Музыка, 1966. – 220 с.
7. Назайкинский Е. О психологии музыкального восприятия / Е. Назайкинский. – М.: Музыка, 1972. – 380 с.
8. Самойленко А. Музыковедение и методология гуманитарного знания. Проблема диалога: монография / А. Самойленко. – Одесса: Астропринт, 2002. – 243 с.

ЗАВИСИМОСТЬ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ ОТ ТИПА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

*Полевая Анна Ильинична,
Белорусский государственный
университет, г. Минск,
Республика Беларусь*

E-mail: kelly-anna@tut.by

Аннотация. Данная статья посвящена лингвистической категории эмотивности, особенностям ее функционирования в рамках художественного текста. Проанализирована взаимосвязь отражения эмоций персонажей от типа повествователя.

Ключевые слова: категория эмотивности, антропоцентрические текстовые категории, аукториальный повествователь, вымышленный повествователь-главный герой, вымышленный повествователь-наблюдатель.

Некоторые лингвисты рассматривают художественное произведение как соединение литературных образов и средств речи, образных и необразных. Образ автора в такой системе образов – особый организующий центр, стержень композиции всего произведения. Он играет важную роль в системе индивидуального стиля, и касается всего стиля больших литературных направлений.

Исследователи отмечают особую отличительную черту любого художественного текста – его антропоцентричность. В самом центре фабулы как текстового пространства находится человек с его поступками, отношениями к другим людям, мыслями, чувствами, переживаниями и особенностями речи. Так, М.М. Бахтин говорит, что «мир художественного видения – организованный и упорядоченный мир, заверченный вокруг этого человека как его ценностное окружение. Все предметы и отношения вокруг человека становятся значительными, будь они пространственными, временными или же смысловыми. Таким образом, среди центральных проблем любого художественного произведения стоит проблема героя. Очень важным является отношение автора к своему герою, которое он открывает через текст читателю» [1, с. 346]: отражая в тексте эмоции своего героя, автор создает для

читателя его психологический портрет. Если человек – это то, что он чувствует, то эмоции персонажа (его реакция на ту или иную ситуацию) есть не что иное, как его портрет, вернее то, каким автор хочет нам его нарисовать и тем самым донести до нас свой посыл. «Автор литературного произведения таким образом подбирает языковые средства, что подсказывает читателю в каком эмоциональном ключе ему следует воспринимать героя» [2, с. 123].

Действительность, представленная автором и описанная на страницах книги, неизбежно предстает перед нами через призму авторского замысла и видения им событий, образуя, таким образом, подобие сообщения, «имитацию» действительности. Каждое написанное художественное слово автор «пропускает» через свое собственное «Я», по-своему интерпретируя объективный ход реальности, изображая возможные события. Автор на страницах книги рисует нам изображения, созданные его представлением реальности. Таким образом, художественная коммуникация имеет субъективный, зависимый от автора характер.

«Образ автора есть личностное отношение к предмету изображения, воплощенное в речевой структуре текста» [3, с. 63], которое определяет единство и целостность художественного произведения, является организующим центром художественного текста: отражая через авторские комментарии и речь персонажей свою интерпретацию мира, автор предполагает определенный коммуникативный эффект, пытается воздействовать на читателя, т.е. регулировать его ментальное состояние. Любое художественное произведение предполагает обнаружение в тексте внутреннего эмоционального мира образа автора.

Категория эмотивности в художественном тексте отражает через авторское миропонимание, эмоциональное авторское отношение к событиям, представленным в тексте, эмоциональную интерпретацию мира, изображенного в тексте. «Художественное произведение в целом представляет собой развернутое оценочное повествование, насыщенное оценочными субъектами (автор и персонажи), оценочными высказываниями...» [2, с. 130].

Через анализ повествования читатель извлекает из образа, представленного в тексте, информацию об авторе произведения, «который не только видит и знает все то, что видит и знает каждый герой в отдельности и все герои вместе, но и больше их, причем он видит и знает нечто такое, что им принципиально недоступно, и в этом всегда определенном и устойчивом избытке видения и знания автора по отношению к каждому и находятся все моменты завершения целого – как героев, так и совместного бытия их жизни, то есть целого произведения» [4, с. 14].

В непосредственной живой коммуникации функционируют вербальные и невербальные способы манифестации эмоций. В рамках художественной коммуникации все средства передачи данных психических явлений

приобретают вербальный характер. Авторы активно привлекают тактики вербального отражения невербального проявления эмоций при характеристике и описании поведения персонажей.

Развернутый авторский комментарий через номинацию и описание эмоций персонажа, как следствие их распознавания, делает их осязаемыми для читателя произведения, создавая для него «видимость присутствия» и компенсируя таким образом недостатки опосредованного общения. При этом лингвистическое отражение эмоций выступает как «объективно существующая реальность, подобно любой другой конкретно наблюдаемой реальности» [2, с. 11].

На количество и качество обозначений эмоций оказывает влияние позиция автора при повествовании, которая может быть как внешней, так и внутренней по отношению к изображаемым событиям и описаниям эмоций персонажей.

В литературе, посвященной исследованию художественных текстов, неоднократно предпринимались попытки классифицировать виды и типы повествователей. Многие из выделяемых в указанных работах видов и типов повествователей перекликаются друг с другом, нередко в чем-то повторяют друг друга, что позволяет нам, взяв за критерий позицию повествователя относительно фабульного пространства, выделить следующие:

1 тип – вымышленный повествователь-главный герой. Подобное повествование ведется от первого лица. Эта фигура не идентична автору и не тождественна ему, действие показывается «изнутри», повествование смещается в планах содержания к личному, субъективному, оценочному и эмоциональному отражению мира.

2 тип – вымышленный повествователь-наблюдатель – один из персонажей художественного произведения, «рассказчик – участник происходящего», выступающий в роли наблюдателя, свидетеля, который, находясь на периферии пространства текста, пытается раскрыть читателю все образы персонажей, что влечет за собой ряд трудностей, связанных с ограниченностью способа видения.

Автор, выступающий в роли вымышленного повествователя-главного героя или вымышленного повествователя-наблюдателя, в своем комментарии может использовать лексику, номинирующую или описывающую эмоции, применительно к себе как к субъекту эмоции, что будет являться результатом оценки своего состояния – итогом саморефлексии

Возможно также использование автором, выступающим в роли вымышленного повествователя-главного героя или вымышленного повествователя-наблюдателя, в своем комментарии лексики, номинирующей или описывающей эмоции, применительно к иным персонажам произведения. Однако будучи ограниченными в видении фабульного пространства, данные типы повествователей могут описывать эмоции персонажей, непосредственными наблюдателями проявления которых они являлись.

Вымышленный повествователь-главный герой и вымышленный повествователь-наблюдатель при описании доступных для наблюдения проявлений эмоций иного персонажа через комментарий вербализуют для читателя информацию, полученную через собственные органы чувств. В подобном случае повествование будет носить объективный характер, а вымышленный повествователь-главный герой и вымышленный повествователь-наблюдатель будут выступать в роли наблюдателей и ретрансляторов невербальных особенностей проявления эмоций персонажей

3 тип – аукториальный повествователь. Данный тип повествователя широко распространен, в подобном случае повествования повествователь осведомлен о всех событиях и участниках фабульного пространства, но стоит вне его и над ним, не касаясь самого пространства, в котором располагаются персонажи. Аукториальный повествователь представляет собой в рамках произведения объективную истину.

Видение фабульного пространства аукториальным повествователем не ограничено, однако подчинено связности текста, его логичности и структуре.

Аукториальный повествователь лишает свободы каждого персонажа произведения. «Аукториальный повествователь способен показать как внешнее, так и внутреннее проявление эмоционального состояния человека. Он имеет право знать, что думает или чувствует любой персонаж, за счет чего достигается свобода композиции и возможность показа фабульной действительности с различных точек зрения.

Данный тип повествователя обладает неограниченной и всеобъемлющей повествовательной перспективой в отличие от вымышленного повествователя-главного героя или вымышленного повествователя-наблюдателя. У всеведущего повествователя есть право знать мысли, чувства и эмоции любого из персонажей повествования. Для данного типа повествователя, стоящего не только вне фабульного пространства, но и над ним, все известно, и он без ограничений определяет эмоции персонажей через их прямую номинацию, описывает невербальные проявления эмоций персонажей либо передает выражение эмоций персонажами. Таким образом, аукториальному повествователю доступны абсолютно все способы передачи эмоций персонажа и, следовательно, возможности создания эмоционального портрета того или иного персонажа.

Каждая из трех повествовательных форм получает свою специфическую модификацию в зависимости от индивидуальности автора, его интенций и прагматических характеристик. Для каждого художественного текста характерен свой тип повествователя и, как следствие, свои особенности передачи эмоций персонажей, а значит и функционирования категории эмотивности в рамках этого текста.

Литература:

1. Бахтин М.М. Искусство и ответственность; К философии поступка; Автор и герой в эстетической творчестве / М.М. Бахтин. – Киев: Иехт, 1994. – 383 с.
2. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. – 184 с.
3. Валгина Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 250 с.
4. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Худ. литература, 1975. – 504 с.

ОСНОВЫ АДВОКАТСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

*Федоров Александр Александрович,
Международный юридический
институт, г. Москва*

Email: alexandr.fox97@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам адвокатского представительства в гражданском процессе. Будет рассмотрена история возникновения судебного представительства. Понятие адвокатской деятельности и представительства, а также значение адвокатского представительства в современном правовом поле.

Ключевые слова: адвокат, представительство, гражданский процесс.

Изучение всех явлений правовой действительности следует начинать с истории его становления и развития. Институт судебного представительства зародился в Древнем Риме, и дошел до современного мира благодаря научным трудам Папиана, Цицирона, Полибия, Сервия и многих других. Для римского права была присуща тенденция использования формы гражданского судебного процесса для изменения отношений материального частного права. Данный авторитет судебной формы защиты прав граждан обуславливал и определял соответствующее положение органов, которые осуществляют судебную защиту.

При легисакционном процессе никто не мог выступать в суде от чужого имени либо в интересах другого лица. В тот период времени, когда легисакционный процесс действовал наряду с формулярным, появилась возможность представлять стороны процесса третьим лицам, если у истца или ответчика имелись уважительные причины. Тем самым в римском праве появился институт представительства.

Существовали следующие формы представительства:

1) за народ (pro populo) – представителями выступали магистраты.

Осуществлялась защита городских общин, поскольку их самостоятельное участие в гражданском обороте не допускалось;

2) за свободу (pro libertate). Применялась в случае желания несвободного получить свободу, если он был уверен, что потеря им свободы была незаконной. В данном случае лицо не могло самостоятельно подать иск, поскольку этим правом обладали только свободные люди. Несвободные могли обращаться в суд через представителя;

3) представительство по опеке (pro tutela);

4) представительство за лиц, находящихся в плену или отсутствующих по делам государственной важности (*pro caprio*). После того как формулярный процесс был окончательно утвержден, широкое развитие получило полное представительство.

Изначально главной формой судебного представительства у славянских народов было родственное представительство. Роль правозащитника выполняли дети, братья, племянники, друзья представляемого. Но уже тогда стали появляться и наёмные поверенные. В более поздних правовых памятниках (в Судебниках и Соборном Уложении 1649 года) постоянно упоминается о наёмных поверенных как о уже существующем процессуальном институте.

Древнерусское законодательство: «А во чье будет место ответчик срок взял, а до того срока сведется ответчику смерть, ино на той срок стать самому истцу, или иного ответчика поставить в свое место; а не станет сам, или иного ответчика не поставит, ино тем его и обинить» (ст. 32 Новгородской судной грамоты).

В Пскове судебные представители называются пособниками. Псковская судная грамота говорит, что тяжущиеся должны прийти в судебницу одни. Пособников могут иметь при себе только женщины, дети, старики, монахи и глухие (ст. 58). Однако из содержания некоторых норм Псковской судной грамоты видно, что представительство допускалось не только в отношении лиц, которые не могли самостоятельно вести свои дела в суде, но и в отношении других лиц (ст. 65, 69, 71).

Дальнейшее развитие судебного представительства в Русском государстве связано с принятием Соборного уложения 1649 г. В ряде статей Уложения, содержащихся в гл. X, прямо указывается на возможность ведения дел в суде через представителей.

Законодательство Московского государства: «А будет истец или ответчик до того отсрочного срока занеможет, и за болезнью ему в приказ итти будет некоторыми делы немочно, и ему в свое место прислати на срок искати, или отвечать кому верит» (ст. 108 гл. X Соборного уложения 1649 г.).

Вместе с тем общим правилом было то, что судебное представительство допускалось лишь в тех случаях, когда сама сторона по уважительной причине не могла вести свое дело, тем самым возможность использования данного института формально ограничивалась.

Законодательство Петра I: «Челобитчикам же и ответчикам дается воля посылать в суд, кого хотят, только с письмами верующими, что оной учинит, он прекословить не будет» (ст. 7 Указа от 5 ноября 1723 г.).

Серьезный поворот в развитии представительства по гражданским делам в России связан с Судебной реформой 1864 г., когда произошел переход к состязательному судопроизводству, в связи с чем впервые в нашей стране в судах общей юрисдикции было введено профессиональное представительство европейского типа. Для осуществления данного представительства был создан институт присяжных поверенных.

Законодательство Российской империи: «Тяжущиеся имеют право присылать вместо себя в суд поверенных по всем делам, производящимся в судебных установлениях» (ст. 14 Устава гражданского судопроизводства).

В ГПК РСФСР 1923 г. представительству на суде была посвящена гл. 2, в которой регламентировались все основные вопросы, касающиеся судебного представительства. Поскольку согласно ст. 16 данного Кодекса в качестве представителей сторон могли выступать лица, допущенные судом, разбирающим дело, к представительству по данному делу, круг дееспособных лиц, которые могли быть представителями в суде, не ограничивался. В первую же очередь вести дела в суде в качестве представителей могли члены коллегии защитников (впоследствии – адвокаты).

Адвокатура и представительство в постсоветском пространстве. В декабре 1991 г. прекратил свое существование СССР, исчезло советское государство, но не перестало действовать советское право. Правового вакуума не образовалось ни в судебной, ни в адвокатской деятельности – в России продолжали действовать УПК РСФСР 1960 г., Положение об адвокатуре РСФСР 1980 г. и иное законодательство. Однако было очевидно, что эти правовые нормы уже не соответствуют новому типу и сложности общественных отношений, сложившихся в стране.

Основой для нового государства в виде Российской Федерации стало принятие современной Конституции России 1993 г., которая, помимо прочего, на уровне Основного закона закрепила принцип презумпции невиновности (ст. 49), а также государственные гарантии предоставления квалифицированной юридической помощи гражданам (ст. 48) в определенных правовых ситуациях (задержание, предъявление обвинения и т.д.).

Исследуя понятие адвокатской деятельности и представительства необходимо обратиться к основному закону, регулирующему адвокатскую деятельность в целом. Согласно ч. 1 ст. 1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, физическим и юридическим лицам (далее – доверители) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

Кроме того, согласно ч. 2 ст. 1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» адвокатская деятельность не является предпринимательской.

Согласно ч.3 ст. 1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» не является адвокатской деятельностью юридическая помощь, оказываемая:

- работниками юридических служб юридических лиц (далее – организации), а также работниками органов государственной власти и органов местного самоуправления;
- участниками и работниками организаций, оказывающих юридические услуги, а также индивидуальными предпринимателями;

– нотариусами, патентными поверенными, за исключением случаев, когда в качестве патентного поверенного выступает адвокат, либо другими лицами, которые законом специально уполномочены на ведение своей профессиональной деятельности.

Согласно ч. 4 ст. 1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» действие настоящего Федерального закона не распространяется также на органы и лиц, которые осуществляют представительство в силу закона. Это значит, что законные представители физических и юридических лиц не носят характера адвокатуры, а действуют на основании гражданского кодекса Российской Федерации. Например, родители несовершеннолетнего лица, не достигшего определенного возраста.

И представительство, и защиту объединяет одно неоспоримое обстоятельство: и то и другое – это виды деятельности адвоката по защите прав и законных интересов его клиента. Лексическое значение терминов здесь определяется осуществляемой функцией адвоката и обусловлено технико-юридическими традициями, проявляющимися в дуализме правового статуса адвоката. Например, в уголовном процессе (производстве по уголовному делу) адвокат может участвовать как защитник или как представитель. Отличия будут определяться единственным обстоятельством – статусом его доверителя (клиента). Защита интересов, например, потерпевшего, свидетеля или гражданского истца возможна только через представительство – универсальную модель деятельности адвоката.

Защита интересов обвиняемого или подсудимого возможна только через собственно деятельность защитника. ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» в качестве цели деятельности адвоката называет защиту прав и законных интересов, которая осуществляется с помощью широкого арсенала правовых средств. Формальное понимание защиты как вида деятельности отождествляет его с аналогичной целью такой деятельности, что размывает границы этого понятия.

И представитель, и защитник одновременно не только представляют интересы клиента, но и защищают их, поэтому с точки зрения модели деятельности адвоката они не представляют принципиально разные форматы. Вместе с тем предполагается, что более универсальным как с теоретической, так и с практической точки зрения является указание на такое направление профессиональной деятельности адвоката, как представительство.

В самом широком смысле представительство – деятельность представителя от имени и в интересах представляемого перед третьими лицами. Защитительный характер деятельности в целом подразумевается, но не всегда является необходимым. Особенно ярко это проявляется при реализации такого вида представительства, как законное представительство, при котором презюмируется, что законный представитель осуществляет свою деятельность в интересах представляемого, если не будет доказано обратное.

Факт, что подавляющее большинство видов деятельности определяется в законодательстве через термин «представительство», означает востребованность, распространение и универсальный характер именно этой формы деятельности.

Основная часть деятельности адвоката приходится на представление интересов перед третьими лицами. Таких направлений в ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» названо восемь, причем приведенный перечень не содержит единого критерия дифференциации видов деятельности.

С одной стороны, в основе выделения видов деятельности адвоката лежит отраслевой критерий (например, налоговые правоотношения): форма осуществления судебной власти (административное, гражданское, уголовное и конституционное судопроизводство), указание на статус третьих лиц (органы государственной власти, суды и т.д.). С другой стороны, приведенный перечень охватывает наиболее распространенные и специфические формы взаимодействия адвоката с третьими лицами в процессе осуществления своей профессиональной деятельности.

Дифференциация видов деятельности, связанных с профессиональным представительством, также возможна по нескольким основаниям.

Первое, на что обращает внимание формулировка ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», – это указание на правовое положение третьих лиц в рамках отраслевой сферы деятельности. Основное различие заключается в частном или публичном статусе субъекта, в том числе его принадлежности к государственной власти, преимущественно судебной, а также законодательной и исполнительной.

Профессиональное представительство адвоката, однако, не ограничивается его взаимодействием только с властными субъектами. Адвокат вправе представлять интересы доверителя в частноправовых отношениях: гражданских, семейных, трудовых и т.д. Предполагается, что целью этого вида адвокатской деятельности также будет защита прав и законных интересов, но преимущественно посредством мирного урегулирования возникшего спора, без обращения в суд.

Указанный вид адвокатской деятельности может быть условно представлен следующим образом: «доверитель – адвокат – частное лицо (гражданин или организация)». Дальнейшая дифференциация этого вида зависит от юридического характера поручения и выбора необходимых средств для его выполнения. Это может быть участие адвоката в претензионной процедуре, переговорах.

Полномочия представителя находятся в тесной связи с характером поручения, и это находит отражение как в процессуальном законодательстве, так и в законодательстве об адвокатуре.

Отдельный вопрос в этом аспекте связан с выделением такого вида деятельности адвоката, как представительство в арбитражном суде. В числе форм судопроизводства в статье 118 Конституции РФ отсутствует арбитражное судопроизводство, более того, статья 127, содержащая указание на Высший

Арбитражный Суд РФ как высший орган системы арбитражных судов, из Основного Закона исключена. Представляется, что включение в состав видов судопроизводств арбитражного судопроизводства является одним из возможных оснований дифференциации, поскольку формально количество форм реализации судебной власти не соответствует системам судебных органов, входящих в судебную систему Российской Федерации. Как отдельные виды деятельности адвоката можно выделить представительство, например, в суде общей юрисдикции или арбитражном суде. Косвенно эти направления упоминаются в пункте 4 ст. 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре».

Использование нескольких критериев дифференциации судебного представительства позволяет заключить о возможности пересечения, наслаивания нескольких видов деятельности адвоката, определяемых Законом об адвокатуре как самостоятельных. В качестве иллюстрации этого тезиса можно привести такие виды деятельности адвоката, как участие в качестве представителя доверителя в административном судопроизводстве и участие в качестве представителя доверителя в производстве по делам об административных правонарушениях. Указанные виды могут совпадать, если в соответствии с Кодексом РФ об административных правонарушениях дело о привлечении к административной ответственности отнесено к компетенции судебных органов.

Можно сделать промежуточный вывод: выделение отдельных видов адвокатской деятельности возможно на основании четырех форм судопроизводства: конституционного (в Конституционном Суде РФ), гражданского и административного (в судах общей юрисдикции и арбитражных судах) и уголовного (в судах общей юрисдикции). Иные основания выделения видов представительства не носят характер классификации, а скорее относят нас к типологии адвокатской деятельности.

Например, представляя интересы доверителя по гражданскому делу в арбитражном суде или суде общей юрисдикции, адвокат осуществляет доказательственную деятельность, в рамках которой он реализует широкий спектр прав: от сбора и представления доказательств до участия в их исследовании и оценке. В процессе доказательственной деятельности адвокат также составляет документы правового характера, например ходатайства, заявления; он также вправе задавать вопросы другим участникам процесса, формулировать вопросы для эксперта и т.д.

Вместе с тем виды адвокатской деятельности в отдельных сферах правового регулирования не просто различаются по названиям, но и имеют особые целевые установки, спектр правовых средств.

Значение адвокатского представительства в современном правовом поле выражается в законности, которая представляет собой определенный режим общественной жизни.

Это основа обеспечения и защиты прав личности и поддержания правопорядка в государстве.

Проблемы права на судебную защиту в настоящее время, в условиях постоянного изменения законодательства и нестабильности правовой системы, приобретают повышенную общественную значимость. Граждане и организации широко используют предоставленное им конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи от лиц, отвечающих специальным требованиям и имеющих особый статус адвокатов, уполномоченных осуществлять судебную защиту и представительство по различным категориям уголовных, гражданских административных дел от имени и в интересах обращающихся к ним лиц.

Эффективные результаты деятельности работника любой профессии, в том числе и адвоката, зависят как от него самого, так и от взаимосвязанных между собою деловых качеств, которыми он обязательно должен обладать. Это – хорошо знать суть и содержание своей работы, обладать необходимыми теоретическими и практическими навыками для ее выполнения, кроме того, добросовестно относиться к выполнению своих профессиональных обязанностей.

В соответствии со ст. 48 Конституции РФ, «каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно».

В настоящее время, особенно в связи с принятием Закона об адвокатуре, понятие института адвокатуры и сама адвокатская деятельность существенно изменились. Они стали более самостоятельными и независимыми от диктата исполнительной ветви государственной власти.

Данный Закон наделил органы самоуправления адвокатуры (Федеральная палата адвокатов РФ и др.) как в области кадровой политики, так и в области организации внутренней жизни адвокатуры, полномочиями, сохранив за государственными органами лишь функцию контроля (ведение реестров адвокатов, участие в работе квалификационных комиссий).

Юридическая помощь – это не просто одна из профессиональных услуг, а необходимое условие реализации конституционных и иных прав граждан. Вот почему столь значительна роль юристов, в частности адвокатов, имеющих особый статус и специальные профессиональные навыки в современном обществе.

В современной теории право на юридическую помощь относится к конституционным гарантиям прав и свобод человека, и в том числе к гарантиям правосудия. Это право предполагает, что каждый, кто нуждается в квалифицированной юридической помощи, может получить ее, обратившись к адвокату.

Занимаясь адвокатской деятельностью – квалифицированной юридической помощью, адвокат должен строить свои отношения с клиентом на конфиденциальной основе. При этом он не вправе разглашать доверенные ему сведения (адвокатская тайна). Этот признак адвокатуры придает ей определенное сходство с деятельностью священнослужителей (религиозных

объединений), обязанных хранить тайну исповеди так же, как адвокаты обязаны хранить адвокатскую тайну.

Право на юридическую помощь в современном понимании значительно шире, чем право на помощь адвоката только в судопроизводстве. Юридическая помощь может потребоваться в любой жизненной ситуации, часто никак не связанной с судебным разбирательством. Поэтому действующее российское законодательство гарантирует право на юридическую помощь не только в уголовном процессе, но также во многих других сферах взаимоотношений государства и личности.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что основы адвокатского представительства, которые берут начало с Древнего Рима, дошли до современного мира благодаря научным трудам Папиана, Цицирона, Полибия, Сервия и многих других. Затем находит отражение в Российском государстве. Сначала в Древнерусском, затем в Московском государстве, Российской империи, и окончательный вид привычной нам адвокатуры приобретает в постсоветском пространстве, а именно в ФЗ № 63 от 31.05.2002 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре».

Кроме того, представительство как вид адвокатской деятельности представляет собой взаимоотношения с третьими лицами в целях защиты прав и законных интересов доверителя и имеет две формы: представительство и защита. Представительство – это гражданские правоотношения, защита – уголовные.

В современном понимании адвокатского представительства, адвокат должен строить свои отношения с клиентом на конфиденциальной основе. При этом он не вправе разглашать доверенные ему сведения (адвокатская тайна).

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 N 63-ФЗ (последняя редакция).
4. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года).
5. Андрианов Н.В. Гражданское общество как среда институционализации адвокатуры. – М.: Либроком, 2011. – 304 с.
6. Арсеньев К.К. Заметки о русской адвокатуре. – М.: Автограф, 2013. – 560 с.

7. Бакшеева Ю.Н. Актуальные вопросы адвокатской деятельности. – 2013. – С. 20-23.
8. Барбакадзе В.Т. Защита интересов организации в арбитражном суде / Барбакадзе В.Т., Ермаков А.Н., Захарьяцева И.Ю. – Москва: Эксмо, 2010. – 300 с. – ISBN 978-5-699-35710-9. – Текст: электронный // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/1364.html>

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК НАУКА

*Гордеев Александр Евгеньевич,
Университетский колледж Оренбургского
государственного университета, г. Оренбург*

E-mail: alex.gordeev04@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена главным вопросам физической культуры, как науки. Рассмотрен термин «физическая культура», рассмотрены общие понятия физической культуры, рассмотрено понятие физической культуры как вид культуры общества и рассмотрена физическая культура как часть культуры личности.

Ключевые слова: физическая культура, наука, общество, личность, развитие.

Давайте рассмотрим понятие «физическая культура». Физическая культура как социальное явление действует во всем человеческом обществе. На положение и формирование физической культуры в обществе влияют производственные отношения людей, финансовые, политические и идеологические формы борьбы, достижения в науке, философии, искусстве. Этот термин был открыт только в конце XIX века.

Понимая культуру в целом как процесс, связанный с формированием чего-либо, термин «физическая культура» появился в США и Англии. Появление термина «физическая культура» в России также имеет свою историю. На первом этапе физическая культура в России понималась как определенная система физических упражнений или как «воспитание и развитие красоты тела». Впоследствии этот термин получил более широкое распространение. Допустим в литературе термин «физическая культура» означает совокупность духовных и материальных ценностей.

Теперь давайте поговорим об общих понятиях физической культуры.

Физическая культура – сложное социальное явление, которое не только решает проблемы физического развития, но и выполняет другие социальные функции, такие как образование, нравственность и этика. У физической культуры нет социальных границ. Физическая культура основана на концепции культуры. Как вид культуры, она представляет собой очень широкую область творческой деятельности, направленной на создание физической подготовки

людей к жизни. Таким образом, физическая культура – это вид культуры, который представляет собой специфический процесс и результат человеческой деятельности, средство и метод физического совершенствования человека для выполнения своей социальной ответственности. В структуру физической культуры входят такие элементы, как физическое воспитание, упражнения, физическое восстановление и двигательная реабилитация. Физическое воспитание – образовательный процесс, направленный на формирование конкретных знаний и умений, а также развитие разносторонних физических способностей человека. Как и образование в целом, это общая категория социальной жизни человека и общества. Его конкретное содержание и направленность определяются потребностями общества в физически подготовленных людях и включаются в образовательную деятельность. Спорт – тренировка и подготовка к соревновательной деятельности; он основан на использовании физических упражнений и направлен на достижение максимальных результатов, выявление резервных возможностей и определение предельных уровней организма человека при физической активности. Соревновательность, специализация, концентрация на высшем результате, застой – специфика спорта в контексте физической культуры. Физический отдых – использование физических упражнений, а также спорта в упрощенных формах, для активного отдыха людей, получения удовольствия от процесса, развлечения, перехода от одного занятия к другому. Это основное содержание массовых форм физической культуры и развлечений. Двигательная реабилитация – это целенаправленный процесс восстановления или компенсации частично или временно утраченных двигательных навыков, лечение травм и их последствий. Процесс проводится комплексно под воздействием физических упражнений, массажа, водных и физиотерапевтических процедур и других специально подобранных мероприятий. Физическая культура – это вид физического воспитания: развитие и совершенствование моторики и физических качеств, необходимых для определенной профессиональной или спортивной деятельности. Его также можно определить как тип общеспециализированной или спортивной подготовки. Физическое развитие – это процесс изменения формы и функций тела под воздействием природных условий или целенаправленного использования специальных физических упражнений. Физическое развитие также является результатом взаимодействия тех мер и процессов, которые можно измерить в любое время. Упражнение – это движение или действие, используемое для развития физических качеств, внутренних органов и систем двигательных навыков. Это средство для физического совершенствования, преобразования человека, его биологической, умственной, интеллектуальной, эмоциональной и социальной сущности. Физические упражнения – основное средство всех видов физического воспитания. Теперь раскроем понятие «физическая культура» как разновидность культуры общества.

Чтобы понять место и значение физической культуры в обществе, необходимо иметь представление об общей культуре человечества. С одной стороны, это процесс материальной и духовной деятельности людей, с другой – продукт этой деятельности, ее результат.

Культура – это не абстрактная деятельность, а ее качественный аспект, который отражается в результатах материальных и духовных аспектов деятельности человека и общества.

Человек в сфере культуры осуществляет деятельность в трех аспектах:

1. «Потребляет» культуру, закрепленную в духовных и материальных ценностях, созданных предшествующим человеческим опытом.

2. Выступает в общественной среде как носитель определенных культурных ценностей.

3. Создает новые культурные ценности, которые становятся основой для развития культуры будущих поколений.

Следовательно, культура – это исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, который выражается в способах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в материальных и духовных ценностях. В более узком смысле это сфера духовной жизни людей. Он включает в себя объективные результаты человеческой деятельности.

Физическая культура – это особое и самостоятельное культурное направление, возникшее и развивающееся одновременно с общечеловеческой культурой и являющееся ее органической частью. Удовлетворяйте социальные потребности в общении, развлечениях, в некоторых формах самовыражения через общественно полезную деятельность. Исторически культура выступает как объективно необходимая деятельность человека, направленная на преобразование окружающей природы и человека в интересах личности и общества. Другими словами, сущность человека проявляется в продуктах его духовной, материальной, физической и иной культуры, которые постепенно становятся самостоятельными видами социальной активности с конкретными целями, задачами, функциями, содержанием и другими характеристиками. Поэтому физическую культуру следует рассматривать как деятельность, так и ее результаты. В интересах улучшения человека физическая культура использует физические упражнения, природную силу, факторы гигиены, рабочие процессы, повседневную жизнь, питание и отдых. Он должен всемерно способствовать росту экономического и оборонного потенциала страны, удовлетворять духовные потребности людей, быть эффективным средством гармоничного всестороннего развития личности и формировать активную жизненную позицию.

Физическая культура – одна из областей социальной активности, в которой социальная активность формируется и осуществляется людьми. Он отражает состояние общества в целом и является одной из форм проявления его социального, политического и нравственного строя. Все это показывает, что физическая культура является естественной частью культуры общества.

Теперь рассмотрим физическую культуру в контексте культуры личности.

Физическая культура человека включает в себя все, что человек использовал и чего достиг, помимо того, что дала ему природа для развития физических навыков, двигательных качеств и здоровья это «человеческая» форма человека.

Физическая культура вместе с культурой в целом призвана сформировать широко развитую личность, главный субъект исторического процесса. Основные материальные ценности физической культуры человека – это необходимый объем мелкой моторики и навыков, определенный уровень развития основных физических и специальных качеств, функциональность различных органов и систем организма. Они составляют материальную основу жизненных сил каждого человека, основу его трудовых ресурсов и являются обязательным средством осуществления любого вида человеческой деятельности.

Литература:

1. Баранов В.А. Физическая культура: ценностно-гуманистическая основа качества жизни современного общества: дис. ... доктора философских наук: 09.00.11 «Социальная философия». – М., 2011. – 339 с.
2. Визитей Н.Н. Физическая культура личности (проблема человеческой телесности: методические, социально-философские, педагогические аспекты). – Кишинёв: ШТИИНЦА, 1989. – 110 с.
3. Демерза Г.Н. Социально-философский анализ влияния физической культуры на формирование личности молодого специалиста: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 «Социальная философия». – Ставрополь, 2000. – 148 с.
4. Деминский А.Ц. Бытие физической культуры. – Донецк: Донбасс, 1997. – 232 с.
5. Пельменев В.К., Конеева Е.В. История физической культуры: учебное пособие. – Калининград: Калинингр. ун-т, 2000. – 186 с.
6. Физическая культура студента: учебник / Под ред. В.И. Ильинича. – М.: Гардарики, 2000. – 448 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ В СПОРТИВНОМ МАРКЕТИНГЕ

*Коляда Наталья Яромировна,
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при
Президенте РФ, г. Москва*

E-mail: kolyadaproduct@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена психологическому аспекту формирования целевой аудитории в спортивном маркетинге. Рассмотрены различные точки зрения на категоризацию потребителей спортивных услуг, а также проанализирована мотивация вступления человека в сообщество спортивных болельщиков.

Ключевые слова: спортивный маркетинг, портрет целевой аудитории.

Индустрия спорта последние десятилетия демонстрирует стабильный экономический рост и непрерывное увеличение спроса на спортивные мероприятия и услуги. В связи с этой тенденцией возникает потребность в научных изысканиях в области управленческих инструментов внутри спортивного бизнеса. Исключением не является и спортивный маркетинг, который, по мнению многих теоретиков менеджмента, с каждым годом приобретает всё большую значимость и ценность для экономической науки [10].

Одним из наиболее интересных аспектов спортивного маркетинга, по субъективному мнению автора статьи, является изучение его целевой аудитории, и в частности, ее психологического портрета – анализу именно этого фактора посвящено данное исследование.

В первую очередь, следует разграничить три схожих понятия, которые формируют целевую аудиторию спортивного маркетолога – зритель, болельщик и фанат. Исходя из определений, данных в регламенте КХЛ [8] следует:

1. Зритель – человек, участвующий в спортивном мероприятии исключительно в целях его просмотра и находящийся в непосредственном месте его проведения;

2. Болельщик – человек, участвующий в просмотре спортивного мероприятия, а также открыто демонстрирующий свои симпатии и предпочтения к определенному участнику Чемпионата как во время проведения мероприятия, так и до его начала, и по его окончании на территории и вне Спортсооружения;

3. Фанат – организованный болельщик, член фанатского движения, поведение которого на трибунах Спортсооружения характеризуется использованием баннеров, флагов, барабанов, поддержкой группового скандирования и другими проявлениями активной поддержки своего Клуба стоя.

Как уже было отмечено выше, число спортивных зрителей, болельщиков и фанатов растет с каждым годом. Поэтому сегодня имеет место быть все более пристальное и детальное изучение этих категорий людей со стороны социологов и антропологов, которые не так давно выделили спортивных болельщиков в самостоятельную субкультуру.

Так как футбол является самым популярным видом спорта в мире, и в нашей стране в частности, подавляющее большинство исследований потребителей спортивных мероприятий посвящено изучению именно футбольным болельщикам. Поэтому логично будет изучить теоретический аспект психологического портрета целевой аудитории спортивного маркетолога на примере футбола.

Так, М.А. Богданова считает, что субкультура футбольных болельщиков представляет собой новый антропологический тип людей, которых она называет «новыми гедонистами», получающих удовольствие от неразумной силы, которую олицетворяет толпа. А эта самая сила уходит корнями в «тоску по опыту переживаний» [1].

Другой ученый, М.Б. Фефелов, в своей работе «Социально-психологические факторы футбольной субкультуры» дал на редкость подробное описание субкультуры футбольных болельщиков, которая характеризуется следующими признаками:

- устойчивые отклонения от общепринятых норм;
- основу составляют представители молодого возраста;
- средний возраст футбольных болельщиков – 15-25 лет.

Разделение всех участников субкультуры футбольных болельщиков на две группы: организованные болельщики со своими групповыми нормами (несколько человек, выполняющие определенные роли и подчиняющиеся определенным нормам) и отдельные индивиды с личным субъективным отношением и реагированием к происходящему внутри явления [9].

В.А. Викторов и С.И. Платонов в своей статье «Взгляд на трибуну: социальный портрет болельщика» выявили пять основных категорий спортивных болельщиков:

1. «Знаток» – интересуется спортом и старается получить как можно больше информации о предпочитаемом виде спорта, биографиях спортсменов, правилах игры и т.д. Такой человек всегда в курсе самых последних событий в мире спорта;

2. «Практик» – с удовольствием и охотой посещает любые спортивные соревнования и неплохо разбирается во многих спортивных проблемах;

3. «Престижный» болельщик – иногда смотрит спортивные соревнования, также нерегулярно интересуется спортивной информацией, отмечается всплеск активного «боления» в периоды наиболее значительных и крупных спортивных событий (чемпионаты Европы, мира, Олимпийские игры, важнейшие или принципиальнейшие матчи);

4. «Избирательный» болельщик – интересуется, как правило, определенным видом спорта или выступлениями предпочитаемой команды или спортсмена-кумира;

5. «Случайный» болельщик – в целом почти равнодушен к спорту, иногда случайно оказывается зрителем спортивных соревнований или потребителем спортивной информации;

6. «Неболельщик» – практически не интересуется спортом и, более того, старается избегать информации о нем, считая, что боление – это пустая трата времени [2].

Если говорить о психологическом портрете футбольного болельщика, то следует рассмотреть работу Н.Г. Закревской, Г.Н. Волковой и А.Н. Алексеевой «Футбольный фанатизм: психологический аспект» [4]. По их мнению, по данным статистики можно дать следующую психологическую характеристику футбольным болельщикам:

- недостаточно доверчивые и дружелюбные;
- недостаточно верят в свой потенциал – возможность контролировать свою жизнь;
- недостаточно понимают мотивы своих действий;
- имеют проблемы в последовательности саморегулирования;
- психологические свойства дисгармоничны;
- недостаточный уровень понимания других людей;
- консерватизм, конформизм;
- имеют проблемы в контроле эмоций.

Субкультура футбольных болельщиков создает свою специфическую культуру, а членство в данной субкультуре формирует у человека специфическое мировоззрение. Каждый из авторов, который когда-либо исследовал данный социологический феномен, согласен с тем, что футбольные болельщики создали специфическую среду, в рамках которой воспроизводится специфическая культура. В качестве аргументации данного тезиса социологи приводят наличие определенных норм, ценностей, использование собственного сленга, определенной символики и т.д.

А.В. Якуба и вовсе считает, что «футбол для фанатов – гораздо больше, чем просто спорт и игра. Для них – это мировоззрение и образ жизни» [10].

Что касается влияния факта «боления» на социальную жизнь фаната, то В.А. Корнеева считает, что вследствие разделения всего социума в глазах фаната на три категории («фанаты-свои», «фанаты-враги» и «не фанат») у поклонников

футбола создается специфическое мировоззрение, основанное на ксенофобии и нетерпимости к людям, чьи взгляды (особенно в спорте) отличаются от их собственных [5].

На данный момент субкультура футбольных болельщиков составляет 80% всех субкультур в России [3]. История футбольного фан-движения в России уходит корнями в 70-е годы XX века – именно в то время появились первые фан-группы, которые регулярно совершали определенные практики, например, выезды с командой на матчи в другой город, использование сленга и символики. Если оценивать численность субкультуры футбольных болельщиков в современной России, то можно привести пример фан-сообщество в Москве, численность которого составляет примерно 45-50 тысяч человек только фанатов [3].

По поводу мотивации людей вступать в сообщество футбольных болельщиков на протяжении многих лет ведутся споры. Кто-то считает, что футбольный фанатизм основан на потребности людей быть частью какого-то сообщества, играть в нем свою роль. Например, подростки нуждаются в чувстве опоры и принадлежности к чему-то общему, «большому». С другой стороны, смена стандартной социальной роли на роль болельщика дает человеку возможность испытать целый ряд новых эмоциональных переживаний, переключить свое внимание от быта, забыть о проблемах, стать потерянным в действии игры [6].

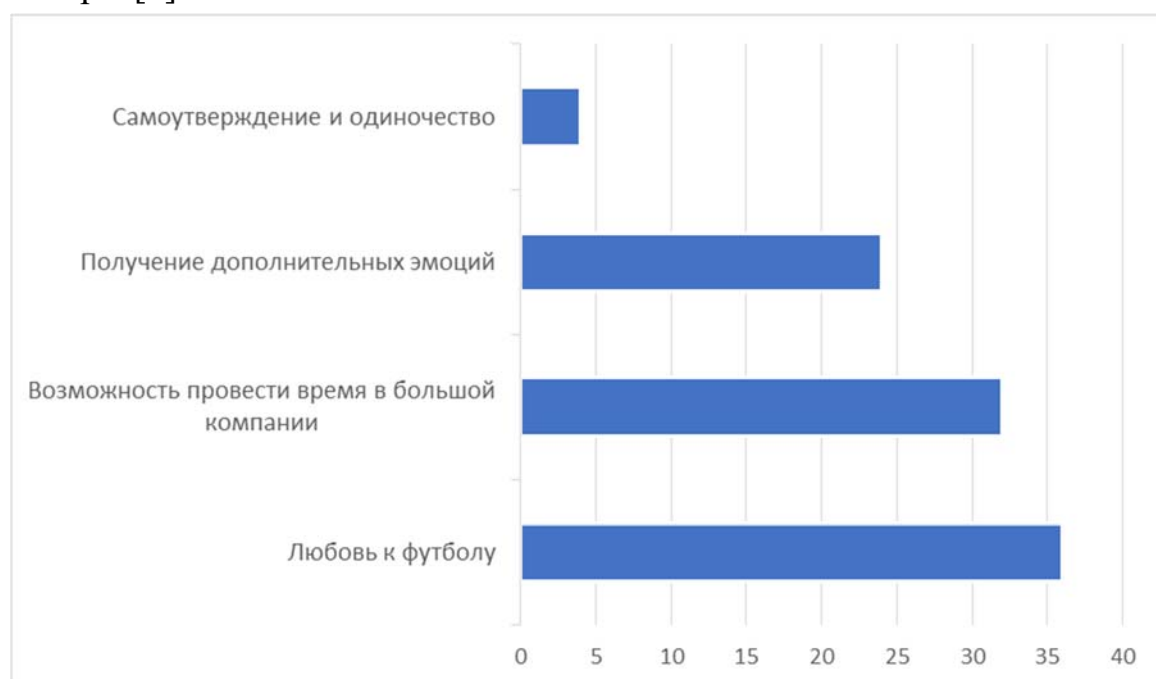

Рис. 1 Мотивы вступления людей в субкультуру футбольных болельщиков (составлено на основе статьи В.Ю. Негановой «Анализ особенностей субкультуры футбольных фанатов»)

Психологи утверждают, что участие в субкультуре футбольных болельщиков позволяет подросткам формировать их самооценку – им легче самоутвердиться в группе, чем реальными поступками, свидетельствующих о взрослости [3].

Что касается социологических исследований мотивов вступления людей в субкультуру футбольных болельщиков, то на сегодняшний день совокупность этих мотивов можно представить в виде следующей диаграммы (рис. 1) [7].

Таким образом, на сегодняшний день спортивный маркетолог четко знает свою целевую аудиторию, понимает ее мотивы, потребности, психологический портрет, ожидания и т.д. И огромную роль в формировании этих данных сыграла психологическая наука.

Литература:

1. Богданова М. А. Антропологическое содержание спорта как социокультурного института // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropologicheskoe-soderzhanie-sporta-kak-sotsiokulturnogo-instituta>
2. Викторов В.А, Платонов С.И. Взгляд на трибуну: социальный портрет болельщика // Социологические исследования. – 1991. – № 5. – С. 75-78.
3. Евсюкова А. Молодёжные субкультуры и их влияние на российское общество // Территория науки. – 2013. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodyozhnye-subkultury-i-ih-vliyanie-na-rossiyskoe-obschestvo>
4. Закревская Н.Г, Волкова Г.Н., Алексеева А.Н. Футбольный фанатизм: психологический аспект // Ученые записки университета Лесгафта. – 2016. – № 8 (138) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/futbolnyy-fanatizm-psihologicheskii-aspekt>
5. Корнеева В.А. Спорт как решение проблемы политической консолидации регионов // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sport-kak-reshenie-problemy-politicheskoy-konsolidatsii-regionov>
6. Малышев И.В. Особенности социально-психологических и индивидуальных адаптационных характеристик личности подростков разных субкультур // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialno-psihologicheskikh-i-individualnyh-adaptatsionnyh-harakteristik-lichnosti-podrostkov-raznyh-subkultur>
7. Неганова В.Ю. Анализ особенностей субкультуры футбольных фанатов // Аллея Науки. – 2017. – № 12. – С. 33-36 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://alley-science.ru/domains_data/files/August17/ANALIZ%20OSOBENNOSTEY%20SUBKULTURY%20FUTBOLNYH%20FANATOV.pdf

8. Регламент КХЛ. Термины, определения и сокращения. Сезоны 2017/2018, 2018/2019, 2019/2020, 2020/2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.khl.ru/documents/KHL_regulations_glossary_2019.pdf
9. Фефелов М.Б. Социально-психологические факторы футбольной субкультуры // Ученые записки РГСУ. – 2009. – № 10. – С. 188-193
10. Якуба А.В. Футбольные фанаты как субкультура в России // Вестник КРУ МВД России. – 2014. – № 4 (26) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/futbolnye-fanaty-kak-subkultura-v-rossii>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ОНЛАЙН-ПЛОЩАДОК ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ЛЮДЯМ С ПРОБЛЕМАМИ СЛУХА

*Прокофьева Валерия Алексеевна,
Казанский (Приволжский) федеральный
университет, г. Казань*

E-mail: valprokofjeva@yandex.ru

Аннотация. Проблема доступности образовательных ресурсов для людей с проблемами слуха в России является очень актуальной на сегодняшний день. В частности существует огромный дефицит ресурсов для обучения глухих иностранным языкам. В нашей стране существует практика преподавания английского языка ученикам с проблемами слуха в общеобразовательных школах и некоторых ВУЗах. Вместе с тем, целенаправленное, адаптированное под особенности глухих и слабослышащих людей обучение другим иностранным языкам почти не практикуется. Другая проблема заключается в недостаточном количестве исследований, посвященных данной теме, методик преподавания и в нехватке образовательных центров, специализирующихся на предоставлении услуг по обучению иностранным языкам глухих и слабослышащих.

Существует стереотип о том, что глухие люди неспособны успешно осваивать иностранные языки. Автор статьи в корне не согласен с данной мыслью. Автор убежден, что глухие люди, при правильном подходе к обучению, могут овладеть иностранным языком на том же уровне, что и люди без нарушений слуха. В данном случае речь идет не только об английском языке, но и о других языках.

Данная работа будет посвящена преподаванию глухим студентам китайского языка как иностранного в формате интерактивных уроков. В статье будет аргументирован выбор именно такого формата обучения, будут обозначены важные, по мнению автора, особенности восприятия глухими людьми информации, а так же будут описаны четыре принципа, согласно которым автор предлагает составлять интерактивные уроки. В ходе исследования были использованы такие методы, как анализ, синтез, сравнение и эксперимент.

Ключевые слова: глухие, интерактивные уроки, билингвистический подход, восприятие, язык жестов, обучение, китайский язык.

Abstract. The problem of the availability of educational resources for people with hearing problems in Russia is very urgent today. In particular, there is a huge shortage of resources for teaching foreign languages to the Deaf. In our country, there is a practice of teaching English to students with hearing problems in general education schools and some universities. But purposeful, adapted to the characteristics

of deaf and hard of hearing people teaching other foreign languages is almost never practiced. It is also possible to note the insufficient number of studies devoted to this topic, the small number of teaching methods and the lack of educational centers specializing in the provision of services for teaching foreign languages to the deaf and hard of hearing.

There is a stereotype that deaf people are unable to successfully master foreign languages. The author of the article fundamentally disagrees with this idea. The author is convinced that deaf people, with the right approach to teaching, can master a foreign language at the same level as people without hearing problems. In this case, we are talking not only about English, but also about other languages.

This work will focus on teaching deaf students of Chinese as a foreign language in the form of interactive lessons. The article will substantiate the choice of just such a training format, highlight the important, in the author's opinion, features of the perception of information by deaf people, and also describe four principles according to which the author proposes to compose interactive lessons. In the course of the study, methods such as analysis, synthesis, comparison, experiment were used.

Key words: deaf, interactive lessons, bilingual approach, perception, sign language.

Известным фактом является то, что при обучении глухих людей большую роль играет наглядность, так как большую часть информации студенты с нарушением слуха воспринимают с помощью зрения. Поэтому особое внимание при составлении урока должно быть уделено визуальным материалам. В рамках интерактивных уроков возможно использование видеороликов, демонстрирующих теоретический материал, а так же значение китайских слов на языке жестов. Данная часть урока так же важна в рамках использования билингвистического подхода, о котором будет сказано позже.

Использование в ходе уроков разнообразных изображений, в частности ассоциативных картинок, так же будет способствовать пониманию материала.

Выстраивание ассоциаций является вторым важным принципом при составлении уроков. Глухие дети в состоянии усвоить абстрактные понятия только при постепенном отвлечении от свойств и признаков конкретных предметов, их особенностей, конкретных фактов и явлений, изучаемых на уроке [2].

Большое значение при этом имеет специальная система наглядности, обеспечивающая постепенный переход от наглядно-чувственного восприятия к обобщенному, абстрактному мышлению. Поэтому, в интерактивных уроках предполагается использование ассоциативных картинок. Как пример ресурса, для поиска подходящих картинок, можно привести книгу Шаолань Сюэ «Chineasy: the new way to read Chinese» [1].

Третьим принципом является принцип использования билингвистического подхода. Билингвистический подход – обучение глухих детей словесному языку в письменной и устной формах следует через «родной» жестовый язык [3]. В

случае обучения китайскому языку в качестве средства объяснения понятий может использоваться не только дактиль, но и отдельные жесты русского языка жестов, что создаст прямую связь между жестом и иероглифом. Этот подход поддерживают Всемирная Федерация глухих и большинство национальных ассоциаций. Так же, в данном случае, возможно использование китайского жестового языка (КЖЯ). Так, многие слова в КЖЯ представляют собой комбинацию двух и более жестов, в отдельности дублирующие смысл иероглифов, из которых состоит слово в письменном китайском языке. Так слово «你好» («привет»), состоящее из иероглифов 你 (ты) и 好 (хорошо), показывается на КЖЯ знаками «ты» и «хорошо». Таким образом использование КЖЯ может стать инструментом создания понятных связей между иероглифом и его смыслом.

В рамках описываемых интерактивных уроков билингвистический подход может быть реализован в форме объяснения материала с использованием языка жестов (видео на языке жестов).

Четвертым принципом можно назвать ориентированность на особенности глухих людей в восприятии информации и приобретение навыков письма и чтения на китайском языке, а так же знакомство с культурой Китая, в том числе с помощью КЖЯ. Преподавание китайского языка людям с проблемами слуха может не предполагать изучение произношения слов в принципе. Таким образом, процесс обучения будет полностью ориентирован на жестовый язык и письменность, а не будет адаптировать методики преподавания языка людям с нормальным слухом.

Для создания интерактивных уроков по китайскому языку для глухих возможно использование интернет-платформ таких как Nearpod [4]. Данные платформы удобны для конструирования уроков в силу наличия на ней разнообразных инструментов для создания интерактивного контента (видео, аудио, презентаций), для проверки усвоения знаний (игры на проверку знаний, возможность создания опросов и тестов со свободным ответом) и т.д. Важным преимуществом таких платформ является возможность в удобной форме отслеживать успехи учеников. Например, в разделе «Reports» платформы Nearpod можно найти ответы студентов на задания, опросы и тесты, диаграммы, демонстрирующие качество выполненных заданий, а так же процент выполнения заданий. В данном разделе можно найти как сравнительный анализ выполнения заданий разными учениками, так и отчеты об индивидуальных успехах обучающихся. Следует отметить и то, что ученики на интернет-платформах могут проходить уроки как полностью самостоятельно, так и с участием преподавателя, который будет вести урок в онлайн-формате.

Кроме всего перечисленного, необходимо включать в процесс обучения прямое взаимодействие студента и преподавателя путем отправки учеником домашнего задания по указанной в уроке электронной почте. Такой способ проверки лучше всего подходит для контроля правильности прописывания учеником черт, ключей или иероглифов. Отчет с указанными ошибками в

выполнении заданий должен высылаться преподавателем на электронную почту обучающегося.

Обучение китайскому языку людей с проблемами слуха посредством предоставления им доступа к интерактивным урокам является эффективным способом обучения. Такие уроки могут обеспечить доступную, интересную презентацию учебного материала ученикам. Такой способ не требует специальных условий для проведения уроков, так как ученики проходят курс самостоятельно. Особенно актуален такой метод обучения в условиях пандемии, когда возможность проведения очных занятий ограничена.

Литература:

1. ShaoLan Hsueh «Chineasy: the new way to read Chinese». – New York: Harper Design, 2014.
2. Особенности использования некоторых методов в обучении детей с нарушениями слуха // lektsii.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lektsii.org/8-75427.html> (дата обращения: 30.02.2021)
3. Билингвистический подход в обучении глухих детей и его особенности // Инфопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://infopedia.su/15xc171.html> (дата обращения: 20.02.2021)
4. Nearpod [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://np1.nearpod.com/reports.php> (дата обращения: 18.12.2020)

ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: КАК ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВЛИЯЕТ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ МАРКЕТИНГА

*Султанова Ардак Темирболатовна,
руководитель, ИП Султанова А.Т.,
г. Астана, Казахстан*

E-mail: ardashast@gmail.com

*Остроух Елена Павловна,
стратег по поисковому маркетингу,
ООО «Декобай», Беларусь, г. Минск*

E-mail: ostroukh.elena@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается влияние психологии восприятия на эффективность маркетинга в социальных медиа. На основе теоретических и эмпирических данных исследуются механизмы, через которые различные эмоциональные реакции пользователей, вызванные контентом, влияют на их поведение и восприятие рекламы. Автор анализирует ключевые аспекты восприятия, такие как эмоции, социальное доказательство и срочность, а также их воздействие на вовлеченность, доверие и конверсию в контексте маркетинговых кампаний. Особое внимание уделено различным типам контента и их влиянию на поведение пользователей. Эмпирическое исследование показало, что эмоции, социальное доказательство и срочность играют ключевую роль в повышении эффективности маркетинга в социальных медиа. Рекомендации по применению полученных результатов могут быть полезны для оптимизации маркетинговых стратегий и улучшения взаимодействия с целевой аудиторией.

Ключевые слова: психология восприятия, социальные медиа, маркетинг, эмоции, социальное доказательство, срочность, вовлеченность, конверсия, рекламный контент, поведение пользователей, маркетинговая стратегия.

Актуальность исследования

Социальные медиа стали неотъемлемой частью повседневной жизни, изменяя способы взаимодействия людей с информацией, брендами и друг с другом. В последние десятилетия наблюдается значительный рост роли социальных платформ как канала коммуникации для маркетинговых кампаний, что обостряет необходимость глубокого понимания того, как пользователи воспринимают контент в этих медиа. Психология восприятия играет ключевую

роль в эффективности маркетинга, поскольку от того, как люди воспринимают информацию, зависит их поведение, принятие решений и степень вовлеченности в рекламные активности.

Современные исследования показывают, что психологические принципы, такие как внимание, эмоции, идентичность и социальное влияние, значительно влияют на восприятие рекламных материалов. В условиях высокой конкуренции в социальных медиа, где ежедневно публикуются миллионы постов и рекламных материалов, важно изучить, как конкретные психологические аспекты воздействуют на восприятие контента и, следовательно, на результаты маркетинговых усилий.

Таким образом, актуальность исследования заключается в необходимости глубокого анализа взаимодействия между психологией восприятия и маркетинговыми стратегиями в социальных медиа для повышения их эффективности.

Цель исследования

Целью данного исследования является изучение влияния психологических аспектов восприятия контента пользователями социальных медиа на эффективность маркетинга.

Материалы и методы исследования

Для проведения исследования был использован метод анкетирования с выборкой из 500 участников (60% женщин, 40% мужчин) в возрасте от 18 до 45 лет, активно использующих социальные медиа. Участники были разделены на группы по типу контента, с которым они взаимодействовали, включая материалы, вызывающие положительные эмоции, срочность, социальное доказательство и нейтральные материалы.

Методы статистической обработки данных включали корреляционный анализ и сравнительный анализ вовлеченности и конверсии по различным типам контента.

Результаты исследования

Психология восприятия является одной из ключевых дисциплин, изучающих процесс обработки и интерпретации информации, поступающей от окружающего мира. В условиях социальных медиа, где информация поступает с высокой скоростью и в большом объеме, изучение восприятия становится особенно важным для понимания того, как пользователи взаимодействуют с контентом [1, с. 4].

Процесс восприятия в психологии традиционно рассматривается как комплексный процесс, включающий внимание, организацию, интерпретацию и сохранение информации. В условиях социальных медиа восприятие информации происходит с учетом множества факторов, таких как визуальные элементы, текстовые сообщения, контекст публикации и эмоциональный фон.

Одним из основополагающих принципов восприятия является принцип внимания, который заключается в том, что человек способен сосредотачиваться только на ограниченном количестве стимулов. В социальных медиа это означает, что рекламные материалы и сообщения брендов должны быть достаточно

яркими и выделяться среди множества других постов, чтобы привлечь внимание пользователей. Визуальные элементы, такие как цвет, контраст, размер и форма, играют важную роль в привлечении внимания.

Принцип целенаправленности восприятия предполагает, что восприятие информации зависит от целей и интересов субъекта. В социальных медиа пользователи активно ищут контент, который соответствует их интересам, потребностям и убеждениям. Рекламные стратегии, ориентированные на персонализацию контента, используют данный принцип, предлагая пользователю именно тот продукт или услугу, которые могут соответствовать его текущим потребностям и интересам.

Также важным принципом является принцип схематизации восприятия, который заключается в том, что человек воспринимает мир через определенные схемы и стереотипы. В социальных медиа этот принцип используется для создания узнаваемых образов брендов, которые ассоциируются с определенными ценностями, стилем жизни или социальными группами. Реклама, использующая популярные схемы и ассоциации, способна вызвать у пользователя доверие и привести к положительному восприятию.

Эмоции играют важную роль в процессе восприятия информации и являются неотъемлемой частью психологии восприятия. В контексте социальных медиа эмоциональная вовлеченность пользователей может существенно повлиять на их реакцию на рекламные материалы и информационный контент. Исследования показывают, что эмоциональный контент вызывает более сильное и устойчивое восприятие, что может повлиять на решение пользователя о покупке или действии.

Принцип эмоциональной вовлеченности предполагает, что сильные эмоции, такие как радость, удивление, гнев или печаль, могут значительно повысить вероятность того, что пользователь запомнит контент и примет решение о взаимодействии с ним. Например, яркие визуальные образы, вызывающие положительные эмоции, могут способствовать созданию эмоциональной связи с брендом, в то время как негативные эмоции (например, страх или гнев) могут повысить вовлеченность, но в долгосрочной перспективе такие эмоции могут привести к ухудшению восприятия бренда.

Особое внимание следует уделить эмоциональному подтексту сообщений. В социальных медиа контент часто сопровождается эмоциональной окраской, которая влияет на восприятие информации. Например, позитивные отзывы пользователей, поддерживающие тон рекламного материала, могут повысить доверие к бренду. Напротив, негативные отзывы могут резко снизить интерес к продукции или услуге.

Психология восприятия в социальных медиа не может игнорировать влияние социальных факторов, таких как социальное доказательство и групповая идентичность. Принцип социального доказательства предполагает, что люди склонны оценивать правильность своих решений на основе мнений других людей. В социальных медиа это проявляется в виде лайков, комментариев и репостов, которые служат индикатором популярности контента. Чем больше

положительных откликов, тем более вероятно, что пользователи воспримут продукт или услугу как привлекательную и полезную.

Таблица 1

Психология восприятия в контексте различных типов контента

Тип контента	Влияние на восприятие	Ключевые аспекты восприятия	Примеры применения
Текстовый контент	Сложность восприятия зависит от структуры и длины текста. Простота и ясность повышают воспринимаемость	– лексика и стиль; – структура и четкость; – сложность текста	Использование кратких и ясных сообщений (например, слоганы, тизеры)
Визуальные элементы	Визуальные элементы играют важную роль в привлечении внимания и эмоциональном восприятии	– цвета (ассоциации с эмоциями); – композиция; – форма и контраст	Яркие и контрастные изображения, использование цветовой палитры бренда
Изображения	Визуальные образы активируют эмоциональные реакции и ассоциации. Четкие и символические изображения легче воспринимаются	– эмоциональный подтекст; – простота восприятия; – визуальная привлекательность	Применение изображений людей, животных, природы для создания положительных эмоций
Видео-контент	Видео обладает высоким потенциалом воздействия, сочетая визуальные и аудиовизуальные стимулы	– эмоциональная вовлеченность; – динамика и движения; – звуковое сопровождение	Рекламные ролики, видеоблоги, product placement
Анимация и GIF	Легкость восприятия за счет динамики и юмора. Использование GIF и анимации привлекает внимание в ленте	– легкость восприятия; – юмор и динамика; – простота передачи информации	Короткие анимации, забавные GIF-изображения, мемы
Интерактивный контент	Вовлеченность пользователей через участие. Мотивирует на взаимодействие с брендом	– геймификация; – ответственные действия; – вовлеченность через выбор	Викторины, опросы, конкурсы, интерактивные рекламы
Отзывы и комментарии	Повышают доверие к бренду через социальное доказательство. Положительные отзывы повышают лояльность	– социальное доказательство; – доверие и репутация бренда; – Рекомендации	Пользовательские отзывы, комментарии под постами, лайки и репосты
Сторис (Stories)	Погружение в атмосферу бренда через короткие, но динамичные сообщения	– краткость и динамика; – ультра-персонализированность; – вовлеченность в реальном времени	Использование сторис для временных акций, эксклюзивных предложений

Групповая идентичность также играет важную роль в восприятии информации. Пользователи социальных медиа активно ищут информацию, которая соответствует их социальной идентичности и ценностям. Бренды, которые используют элементы социальной идентичности в своих маркетинговых кампаниях, могут более эффективно взаимодействовать с целевой аудиторией. Например, бренды, ориентированные на молодежную аудиторию, могут использовать современные тренды и актуальные темы, такие как устойчивое

развитие или инклюзивность, чтобы привлечь внимание и вызвать положительные эмоции.

Контент, представленный в социальных медиа, может варьироваться по форме (видео, текст, изображения) и может воздействовать на восприятие пользователя по-разному. Таблица 1 иллюстрирует, как различные типы контента влияют на восприятие пользователя в социальных медиа.

Маркетинг в социальных медиа представляет собой мощный инструмент взаимодействия с аудиторией, который активно использует принципы психологии восприятия для повышения эффективности коммуникации и достижения маркетинговых целей [2, с. 206].

Цвет и дизайн являются важными элементами восприятия в социальных медиа, поскольку они напрямую влияют на эмоциональное восприятие контента и формируют первое впечатление о бренде (таблица 2). В психологии цвета существует множество теорий, описывающих влияние различных оттенков на настроение и поведение человека.

Таблица 2

Использование психологии цвета и дизайна в маркетинговых кампаниях

Цвет	Эмоциональная ассоциация	Применение в маркетинге
Красный	Энергия, страсть, срочность	Применяется в акциях с ограниченным сроком, стимулирование покупок
Синий	Спокойствие, доверие, надежность	Популярен в финансовом секторе, медицинских и технологических брендах
Зеленый	Природа, здоровье, гармония	Используется в брендах, ориентированных на экологичность и здоровье
Желтый	Оптимизм, радость, внимание	Привлекает внимание, используется для акцентирования важной информации

Персонализация контента и таргетинг являются одними из самых мощных инструментов в арсенале маркетолога [5, с. 98]. Эти стратегии опираются на принципы психологии восприятия, а именно на индивидуальные предпочтения и потребности аудитории. Персонализация включает в себя создание контента, который максимально соответствует интересам и потребностям пользователя, что существенно повышает его вовлеченность.

На основе анализа пользовательских данных можно создать индивидуальные предложения, которые будут восприниматься как более релевантные и ценные. Таргетинг же предполагает доставку рекламных материалов пользователям, которые наиболее вероятно заинтересуются продуктом или услугой. Это может быть как демографический таргетинг (возраст, пол, место жительства), так и поведенческий (основывается на действиях пользователя в сети, например, поисковые запросы или история покупок).

Применение персонализированных и таргетированных сообщений оказывает значительное влияние на восприятие рекламы, повышая вероятность покупки и лояльность к бренду. Однако важно отметить, что чрезмерная

персонализация может вызвать у пользователя ощущение вторжения в личное пространство, что, в свою очередь, может привести к негативной реакции и снижению доверия к бренду [3, с. 60].

Социальное доказательство – это психологический феномен, при котором люди склонны ориентироваться на мнения и действия других людей при принятии решений. В контексте маркетинга в социальных медиа этот принцип применяется через отзывы, рекомендации и оценки, которые оказывают существенное влияние на восприятие бренда.

Исследования показывают, что люди гораздо более склонны доверять продуктам и услугам, которые получили положительные отзывы от других пользователей. Этот принцип работает как в ситуациях, когда бренд активно показывает свои достижения (например, количество подписчиков или лайков), так и когда пользователи сами делятся своим опытом с продуктом через репосты, комментарии или рекомендации.

Социальное доказательство можно эффективно использовать не только для продвижения товаров и услуг, но и для формирования корпоративной репутации. Использование отзывов знаменитостей или лидеров мнений также усиливает эффект социальной доказанности, повышая уровень доверия к бренду и его продуктам.

Эмоции играют ключевую роль в восприятии маркетинговых материалов и рекламных кампаний (рисунок). Множество исследований подтверждают, что эмоциональная реакция пользователя может значительно повлиять на его поведение и решение о покупке. В социальных медиа эмоциональный контент вызывает более сильное вовлечение и способствует созданию устойчивых ассоциаций с брендом.

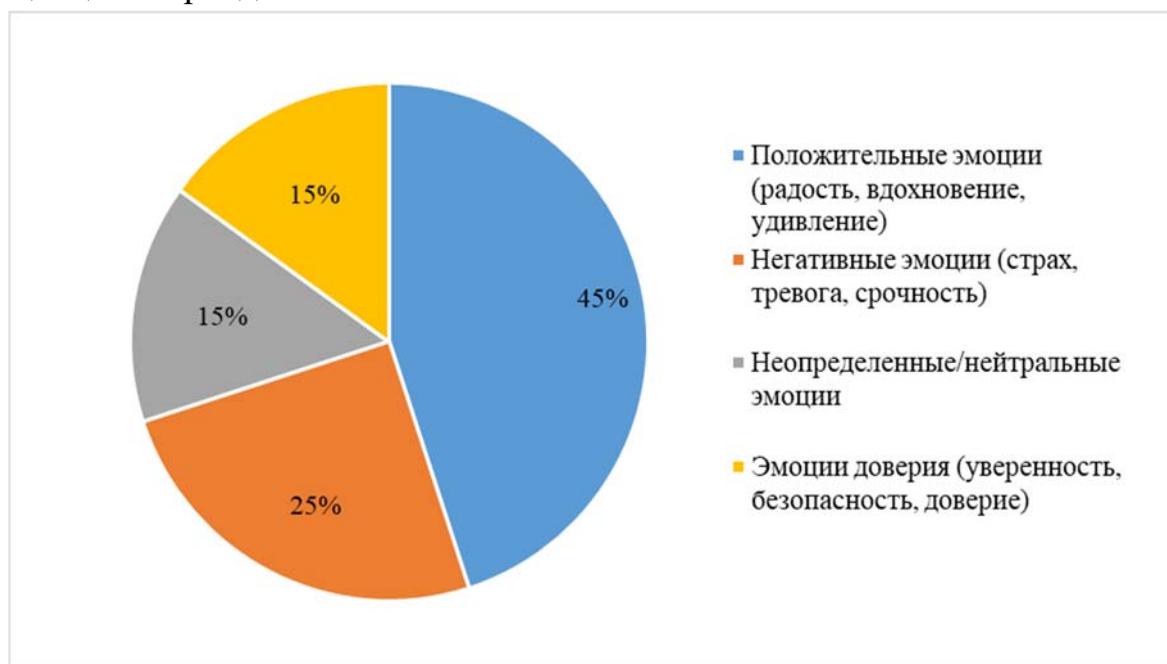

Рис. 1 Влияние эмоций на восприятие маркетинга

Положительные эмоции оказывают наибольшее влияние на восприятие маркетинга, так как они способствуют формированию положительных ассоциаций и повышению лояльности к бренду. Негативные эмоции также имеют значительное влияние, часто создавая ощущение срочности и стимулируя действия, но их использование должно быть ограничено, чтобы избежать отторжения бренда.

В последние годы маркетинг через инфлюенсеров стал одним из самых эффективных способов коммуникации в социальных медиа. Инфлюенсеры, как посредники между брендом и аудиторией, используют доверие своей аудитории для продвижения товаров и услуг [4, с. 123]. Психологический механизм, который лежит в основе этого подхода, связан с понятием личной идентификации. Аудитория, которая идентифицирует себя с инфлюенсером, склонна доверять его мнению и следовать его рекомендациям.

Это явление активно используется в маркетинговых стратегиях, и исследования показывают, что рекомендации инфлюенсеров могут существенно повысить уровень доверия к бренду и увеличить конверсию в покупку. Важно, что инфлюенсеры, как правило, создают более персонализированный контент, который вызывает у подписчиков ощущение близости и доверия, что усиливает эффект рекомендаций.

Эмпирическое исследование представляет собой ключевой этап в анализе влияния психологии восприятия на эффективность маркетинга в социальных медиа. Исследование было проведено среди пользователей социальных медиа с разным уровнем активности, в возрасте от 18 до 45 лет. Общий размер выборки составил 500 человек, из которых 60% составляли женщины, а 40% – мужчины. Участники были разделены на группы по типу контента, с которым они взаимодействовали (например, позитивные эмоции, срочность, социальное доказательство).

Одним из ключевых аспектов исследования было выяснение, как различные эмоции, вызванные контентом, влияют на вовлеченность пользователей и их реакцию на рекламные материалы (таблица 3). Результаты показали, что положительные эмоции вызывают наиболее высокую степень вовлеченности и положительное восприятие рекламы. Участники, которым был показан контент с положительными эмоциями (например, радость, вдохновение), чаще взаимодействовали с рекламой: переходили по ссылкам, ставили лайки и делились постами.

В то же время негативные эмоции (например, страх упустить возможность) также оказывали значительное влияние, но в другом контексте: пользователи, которые видели контент, связанный со срочностью (например, «скидки до конца дня»), проявляли более высокий интерес и быстрее совершали покупки.

Таблица 3

Влияние эмоций на вовлеченность

Тип контента	Влияние на вовлеченность	Показатели вовлеченности (переходы, лайки, репосты)
Позитивные эмоции (радость, вдохновение)	Высокое	65% повышенная вовлеченность, 50% переходов по ссылкам
Негативные эмоции (страх упустить, срочность)	Среднее	45% вовлеченности, 40% конверсий
Нейтральные эмоции (информативный контент)	Низкое	25% вовлеченности, 15% конверсий

Одной из гипотез исследования было влияние социального доказательства на восприятие рекламы. В ходе эксперимента пользователи, которым были представлены отзывы других пользователей или данные о высоком уровне популярности товара, продемонстрировали значительно большее доверие к бренду и более высокую вероятность совершения покупки (таблица 4).

Отзывы и рейтинг продукта играли ключевую роль в формировании доверия к бренду. Участники, видящие положительные отзывы или рекомендации от известных личностей, имели более высокую вероятность совершить покупку, даже если контент был нейтральным по эмоциональному воздействию.

Таблица 4

Влияние социального доказательства

Элемент социального доказательства	Влияние на доверие и конверсию	Показатели конверсии и доверия
Отзывы пользователей (положительные)	Высокое	70% повышение доверия, 50% конверсий
Рекомендации от инфлюенсеров	Среднее	60% повышение доверия, 45% конверсий
Социальные доказательства (лайки, репосты)	Низкое	35% доверия, 20% конверсий

Результаты эмпирического исследования подтверждают, что эмоциональная составляющая контента в социальных медиа оказывает значительное влияние на восприятие и поведение пользователей. Положительные эмоции усиливают вовлеченность, в то время как негативные эмоции (страх упустить возможность) способствуют быстрому принятию решения и повышению конверсии. Однако, как показывает исследование, чрезмерное использование негативных эмоций может привести к снижению доверия и лояльности к бренду, поэтому важно соблюсти баланс в использовании эмоциональных триггеров.

Социальное доказательство и персонализированные рекомендации оказываются важными факторами для повышения доверия к бренду, и их использование должно быть оптимизировано для каждого сегмента аудитории.

Выводы

Таким образом, психология восприятия в социальных медиа оказывает значительное влияние на поведение пользователей и эффективность маркетинга. Эмпирические данные подтверждают, что положительные эмоции способствуют высокой вовлеченности, а использование негативных эмоций, таких как срочность, стимулирует потребительские действия. Социальное доказательство, включая положительные отзывы и рекомендации, повышает доверие к бренду и влияет на принятие решения о покупке. Результаты исследования позволяют оптимизировать маркетинговые стратегии, повышая их эффективность с учетом психологических аспектов восприятия контента в социальных медиа.

Литература:

1. Амирова Д.Р., Запорожец О.И. Социальный медиа-маркетинг как эффективный инструмент продвижения // Вестник евразийской науки. – 2019. – Т. 11, № 2. – С. 1-8.
2. Костина С.А., Усманов Д.И. Маркетинг в социальных сетях как инструмент продвижения товаров и услуг // Научный альманах. – 2015. – № 9 (11). – С. 205-208.
3. Кублин И.М., Тинякова В.И. Инструменты управления лояльностью пользователей в социальном медиа-маркетинге, их разновидности и функции // Поволжский торгово-экономический журнал. – 2013. – № 5(33). – С. 56-62.
4. Полонник В.С., Пшонко Е.А. Оценка эффективности продвижения товаров в социальных сетях // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. – 2015. – № 2. – С. 122-124.
5. Солодовникова Н.А. Социальный медиа-маркетинг как современный инструмент продвижения // Современные тенденции развития и перспективы внедрения инновационных технологий в машиностроении, образовании и экономике. – 2017. – Т. 3. – № 1(2). – С. 97-101.

СОЗДАНИЕ КОМФОРТНОГО КЛИМАТА НА ЗАНЯТИЯХ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

*Шило Наталья Павловна,
Паренюк Наталья Юрьевна,
Белгородский государственный аграрный
университет имени В.Я. Горина, г. Белгород*

E-mail: shiltse@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются психологические приёмы и их реализация при изучении иностранного языка в колледже. Показано, что без учета психологического аспекта самые эффективные методы и приемы не дают желаемых результатов в обучении. Под психологическим аспектом урока понимается функционирование психологических процессов: восприятие, запоминание, мышление в речевой деятельности обучающегося.

Ключевые слова: психологический аспект, методические приёмы, межличностные отношения коллектива и преподавателя, комфортная обстановка.

Хочется начать статью словами одной древней притчи. Жил мудрец, который всё на свете знал. Один человек захотел доказать, что мудрец знает далеко не всё. Поместив в ладони бабочку, он спросил: «Скажи, мудрец, какая бабочка у меня в руках: мёртвая или живая?», а сам подумал про себя: «Скажет живая – я её умертвлю, а если скажет мёртвая – выпущу». Подумав, мудрец ответил: «... всё в твоих руках...».

Да, всё в наших руках, а в руках преподавателя всегда есть возможность создать на занятиях такую рабочую атмосферу, в которой обучающиеся будут чувствовать себя комфортно и получать хорошие знания. Чем опытнее преподаватель, тем он больше подбирает методических приёмов отработки материала, тем больше он предвидит психологических подходов к их реализации. И как следствие этого наблюдается парадокс: чем преподаватель опытнее, тем больше он готовится к своему занятию.

Каждое занятие имеет свой содержательный, методический и психологический аспекты. Содержание урока определяется изучаемым языковым материалом, а выбранный способ его подачи реализуется с помощью методических приемов, которые тесно связаны с психологическим аспектом. Под психологическим аспектом урока понимается функционирование психологических процессов: восприятие, запоминание, мышление в речевой деятельности студента.

Под психологическим аспектом мы также рассматриваем межличностные отношения коллектива, т.е. группы студентов плюс преподаватель, и атмосфера общения, которая, с одной стороны, является следствием этих отношений, а с другой – определяется объективными условиями, в которых происходит урок. Усвоив в достаточной мере технологию преподавания английского языка, продолжая совершенствовать приемы обучения, преподаватель неизбежно сталкивается с менее определенной, но не менее важной стороной урока – его психологическим компонентом. Часто именно этот компонент оказывается ведущим, и эмоциональный тон урока определяется результатом обучения. Преподаватель убеждается, что без учета психологического аспекта самые эффективные методы и приемы не дают желаемых результатов. Даже если урок подготовлен методически правильно, оптимально результат не достигается, если не учтены взаимоотношения между студентами в аудитории, между студентами и преподавателем, а также объективные условия, в которых проходит занятие. В этом легко убедиться, если провести тщательно разработанный урок точно по намеченным пунктам, не отклоняясь от предусмотренных форм работы. Результаты занятия могут оказаться хуже ожидаемого только потому, что каждая группа привносит в урок что – то свое, что – то новое, часто неожиданное. Механическое выполнение плана без учета складывающейся в данный момент и постоянно меняющейся учебной ситуации не обеспечивает полноценного обучения английскому языку. Один и тот же урок не может быть совершенно одинаковым в разных группах.

Большинство преподавателей согласны с тем, что, входя в аудиторию, преподаватель должен затаить свое плохое настроение, раздражительность и т.д. Приветливая улыбка, бодрый вид, опрятный костюм – это далеко не все и не главные, но необходимые предпосылки, которые мы стремимся использовать, чтобы создать благоприятный фон для речевого общения.

Положительное эмоциональное воздействие помогает быстрее преодолеть физическую усталость; предстоящие или прошедшие праздники или каникулы; первое занятие после каникул – занятие особенное. Студенты не готовы к речевой деятельности на том уровне, который у них был до каникул и который восстановится через 2-3 занятия, поскольку прекращение регулярных занятий создает массу трудностей при изучении английского языка (каждый студент что – то забыл, совокупность оставшихся знаний всех студентов носит разнородный характер). Отрицательные результаты наблюдаются не только в языковом плане, но и в плане психологическом, так как ослабились старые стереотипы общения.

Как правило, студенты ждут от первого занятия чего – то необычного, и мы стараемся оправдать их ожидание, чтобы укрепить мотивацию к изучению английского языка. Если студенты с желанием работают, то преподаватель максимально загружает их, поддерживая высокий темп работы.

В психологическом плане преподавателю приходится проявить твердость и выдержку, требовательность и тактичность. Преодолевая пассивность студентов, преподаватель снова и снова вовлекает их в работу. Студент должен преодолеть

себя. Преподаватель в этом ему помогает: предъявляет требования и создает условия для работы. В результате возникает рабочая обстановка, наступает перелом, и обучение входит в нужное русло.

Разумная требовательность, рабочая атмосфера и благоприятные условия для работы, общения и есть тот оптимальный режим занятия, который вырабатывает у студентов устойчивую положительную мотивацию к изучению английского языка. И даже не используя самые передовые методические приемы, преподаватель всегда добьётся хороших результатов, когда он умеет создавать обстановку, при которой студенты работают в полную силу. Безусловно, важным условием создания благоприятной атмосферы общения, управления деятельностью студентов является учет их индивидуально – психологических особенностей. При организации диалогической речи, ролевых игр необходимо учитывать не только уровень знаний, особенности характера и темперамента, но и такие свойства личности, как инициативность в общении, авторитет среди студентов.

Да, специфика урока английского языка не позволяет нам увлечь студентов своим рассказом так, как это бывает, скажем на уроке родного языка. Да, мы не можем позволить себе превратить студента в объект обучения. Кроме того, обучающиеся постоянно чувствуют дискомфорт от того, что не могут на английском языке выразить свои мысли с таким же богатством лексических, стилистических и грамматических оттенков, как на родном. Их речь носит несколько упрощенный характер.

Поэтому, организуя деятельность студентов, на каждом этапе занятия преподаватель выбирает ту форму работы, которая положительно влияет на эмоционально – психологическое состояние обучающихся.

Нет сомнения, что преподаватель английского языка должен уметь владеть приемами театрального искусства в той мере, какая позволила бы удерживать внимание обучающихся и управлять ими в течение всего урока.

Следует отметить, что нарушить психологический комфорт занятия может частое исправление ошибок, хотя оно и делается преподавателем из лучших побуждений. При прослушивании монологической речи студента, преподаватель всегда должен иметь под рукой чистый листок бумаги и ручку, где он может отмечать ошибки обучающегося. И только после ответа преподаватель разберёт все грамматические и фонетические ошибки студента.

В методической литературе встречается мнение о том, что преподаватель иностранного языка непременно должен обладать чувством доброго юмора. Под чувством юмора мы понимаем такую речевую способность преподавателя, которая вызывает у студентов смех, улыбку, положительные эмоции и служит в конечном счете для улучшения психологического климата занятия. Естественно, что чувство юмора учителя основывается на такте и уважении к студентам.

Но даже если преподаватель и обладает этим свойством, этого еще недостаточно для его реализации, которая идет по такой схеме: высказывается реплика преподавателя – восприятие и осмысление этой реплики студентами –

результат в форме улыбки, смеха, желания учить предмет. Как мы видим, необходима еще и психологическая готовность студентов воспринимать юмор.

Разрядку можно проводить и в форме музыкальной паузы. Музыка является одним из наиболее эффективных способов воздействия на чувства и эмоции учащихся. При прослушивании же музыкальных произведений английских и американских композиторов происходит не только расслабление, снятие напряжения, но и знакомство с музыкальной культурой Великобритании и Америки. Классическая музыка создает благоприятный климат на уроке. Благодаря музыке снижается психологическая нагрузка обучающихся, повышается эмоциональный тонус, а также мотивация к изучению иностранного языка.

Приятная музыка, сопровождаемая тихим голосом преподавателя, является хорошим видом релаксации, так как создает расслабляющую атмосферу.

Например, учитель включает спокойную музыку и произносит текст:

Sit comfortably. Close your eyes. Breathe in. Breathe out. Let's pretend it's summer. You are lying on a sandy beach. The weather is fine. The light wind is blowing from the sea. The birds are singing. You have no troubles. No serious problems. You are quiet. Your brain relaxes. There is calm in your body. Nothing diverts your attention. You are relaxing. (Pause) Your troubles float away. You love your relatives, your collage and your friends. They love you too. Learn to appreciate every good thing. The Earth is full of wonders. You can do anything. You are sure of yourself, that you have much energy. You are in good spirits. Open your eyes. How do you feel?

Придается особое значение заключительному этапу урока. Даже если занятие прошло удачно и эффективно, именно последние этапы должны вызвать у студентов наибольший эмоциональный подъем, ощущение прогресса в своих знаниях, желание прийти на урок английского языка как можно скорее.

Мы считаем, что занятие удалось, если студент не только усвоил определенный языковой материал, но в конце урока воскликнул: «Звонок! Сегодня так быстро!».

Литература:

1. Кульневич С.В., Лакоценина Т.П. «Анализ современного урока». Практическое пособие. – Издательство «Учитель», Ростов-на-Дону, 2004.
2. Ягодкина О.П. Создание комфортной образовательной среды на уроке английского языка с позиции требований ФГОС / О.П. Ягодкина. // Молодой ученый. – 2017. – № 22 (156). – С. 209-211 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/156/44059/> (дата обращения: 27.03.2021)
3. Коряковцева Н.Ф. Теория и методика обучения иностранным языкам. Продуктивные образовательные технологии. – М.: Академия, 2010. – 192 с.

THE ROLE OF POLITICAL DOCTRINES IN THE INTERNATIONAL SYSTEM OF STATES

*Budurina-Goreacii Carolina,
State University of Moldova,
Chisinau, Moldova*

*Cebotari Svetlana,
State University of Moldova,
Chisinau, Moldova*

E-mail: svetlana.cebotari@mail.ru

Abstract. Political doctrines are conceptual beliefs, principles comprising values and symbols that incorporate conceptions of human nature and indicate what is possible or not. Political doctrines have descriptive and prescriptive functions. They provide thought patterns and rules of conduct. It is about the principles and rules of action and the concrete ways of applying them, including foreign policy.

In this article we set out to analyze the main political doctrines that have contributed to the evolution and dynamics of the international system in a historical context.

Key words: political doctrines, system of states, leaders, international arena.

Political doctrines have been established, relatively recently, as a distinct discipline in the field of political science. In fact, the very status of political science was determined only in the second half of the nineteenth century, in the context of extensive debates on the specifics of investigations into the human condition in relation to those on nature. Political doctrines group would correspond to the theoretical constructions of "medium rank" because, starting from a certain empirical data they tend to rise to the level of generalizations with a limited degree of validity. Thus, politico-legal disciplines are established such as: constitutional and administrative law, the study of international relations, political cultures, political sociology, etc. In this regard, the question that arises concerns the place of study of political doctrines, such as:

- the specifics of political life in one or more countries, in a certain historical conjuncture, which are considered to be generators of certain doctrines or certain doctrinal dynamism (typical conflicts between doctrines, theoretical acquisitions in relation to political practice, changes of ideas and theses between doctrines);

- the cultural context of doctrinal manifestations, the tradition established in connection with certain political values and ideals, specific to a human community, against which it is not possible to understand the continuity of political doctrines and their ability to dialogue with other doctrinal experiences;
- the degree of expressiveness of political doctrines in relation to the historical-cultural and political identity of a community;
- the influence of political doctrines on real political life, the endurance of this influence as well as its depth, expressed by the nature of the transformations that are consciously achieved, by the political agents who share it. The study of political doctrines will therefore be structured on several levels: ontological, epistemic, axiological and praxiological.

Since at least 1648, explicit doctrines have been developed in the West. The Westphalia peace of that year ended the Thirty Years' War between European states, ushering in an era of application of the principle of „balance of power” on a continental and global scale. *The doctrine of balance of power* was promoted mainly by decision-makers who applied „realistic” strategies. That doctrine provides that in a security environment, controlled by state actors, they rally with the dominant power or seek to equalize it through alliances (balancing). The doctrine of the balance of power was applied by all major state actors after 1648 and determined all the acts (treaties and peaces) concluded between them so far. Even the Peace of Versailles of 1919, or the Peace of Paris of 1946-1948, or the establishment of the UN in 1945 is based on the principles of balance of power. The Cold War era (1945-1990) was also dominated by the doctrines of the balance of power (mainly nuclear) between the USA and the USSR.

The doctrine of collective security appeared at the end of the First World War, in the years 1917-1918. Collective security (for which the League of Nations was established in 1919 and the UN in 1945) is a system in which all states commit themselves to providing assistance to any state that becomes a victim of military aggression. It is about applying the principle of non-aggression in international policies. However, peacekeeping takes into account global and regional power games and the importance of state sovereignty. In this sense, after 1990, peace operations became much more elaborated.

The Monroe Doctrine (1823) corresponds to the North American conception of the early nineteenth century that rejected all interventions by European powers in North, Central and Southern America and any U.S. interference in „old continent” affairs. It was a doctrine of „limited sovereignty”. Europeans were forced, in various forms, to abandon their Latin American possessions, and the United States incorporated Florida, Texas (1837), New Mexico, Arizona, California (1848), Puerto Rico, and the Philippines after 1898.

President Theodore Roosevelt (1901-1909) added provisions emphasizing that „US neutrality” to European powers are not absolute. After 1919, the Monroe Doctrine was applied in multiple situations, as after 1945, until the Cuban revolution of 1959. In recent decades, US hegemony on the American continent has been challenged by both

large states such as Brazil and Venezuela, and by Russia, China or organizations from the category MERCOSUR, UNASUR, BRICS etc. Today, the Monroe Doctrine has lost its usefulness.

In 1845, John O'Sullivan launched the American of „*manifest destiny*” doctrine which justified the occupation of the territories of Native American tribes. This ideology came from the Puritan conception of the „chosen people” of divinity, which ensures the prosperity of all the inhabitants of the „American space”. At the same time, President T. Roosevelt turned to a policy of „gentle and harsh treatment” in Latin America, based on rewards and punishments.

The „*open door*” doctrine refers to the guidelines applied by Washington in its relations with Japan and China (the treaties of 1844 and 1858 with the Chinese Empire). In fact, the doctrine was also used by Western powers in the Berlin General Act of 1885 on the Congo River Basin, reconfirmed by the Brussels Declaration of 1890 and the Algeciras Act of 1906. By Secretary of State John Hay of President W. Mc. Kinley, USA, asked the great European powers in 1899 to accept „free trade” in their relations with the Qin Empire. The great European powers have hesitated to „sincerely” support this doctrine, maintaining their previously conquered privileges.

The doctrine of „*dollar diplomacy*” was inaugurated by President W.H. Taft in 1909-1910 and consisted of using financial (but also military and political) means to expand US control in Latin America. The respective capitals went to the „satellite regimes” in Haiti, Nicaragua, Panama, etc. Officially, with the exception of domination of South America, Washington followed an „isolationist policy” of neutrality and non-intervention in European affairs until 1917.

The American doctrine of the „*New Diplomacy*” (1919) was developed by President W. Wilson, who had the ambition to enshrine the right of peoples to self-determination (supported in 1917 by the Bolsheviks in Russia), the non-recognition of treaties and secret agreements before 1917 and the establishment of a „society of nations”, based on free individuals, not states. The principle of „collective security” was also upheld, rejecting the doctrine of „European balance”, that has been considered guilty of starting the 1914-1918 world war. But the US (Republican) Senate rejected the doctrine so as not to take responsibility for Europe's „dangerous” problems, preferring to return to the Monroe Doctrine and isolationism. This political isolationism, however, was not accompanied by an „economic” one.

The doctrine of the „*European concert*” was applied several times after 1648. In the interwar period, this concert tried to replace the inefficiency of the collective security system inaugurated in 1919 by the League of Nations. Until 1930, France, as a victorious power in the First World War, promoted - in addition to the League of Nations - bilateral and multilateral alliances with the states of the Little Entente (Czechoslovakia, Yugoslavia and Romania) and with Poland. In 1930-1934 the Geneva Disarmament Conference failed, and in 1933-1935 Japan and Germany left the League of Nations, a structure to which the USSR joined in 1934. In 1935, the Stress Conference (France, Great Britain, Italy) inaugurated a continental „directorship” which was also associated with Nazi Germany (1937-1939). The surrender of Western

democracies to the revisionist powers (Germany, Italy, the USSR) ended with the dismemberment of Czechoslovakia and the outbreak of a new world war in September 1939.

The *doctrine of „freedom of the seas”* was founded by Hugo Grotius in the work „Mare Liberum (1609) in the sense that the sea is an international space on which all states can carry out unhindered commercial activities. The United Kingdom initially rejected this idea, unlike the United Provinces (Netherlands). After several victories in the „naval wars” with the Dutch in the seventeenth century, Britain adopted the doctrine in the eighteenth - twentieth centuries, when it asserted itself as „master of the seas” through its unbeatable fleet. From 1805, the freedom of the seas became the official doctrine of Great Britain, in 1824 of the Russian Empire and in 1894 of the USA. The peace treaties of 1919, 1946-1947 and the UN Convention on the Law of the Sea enshrined this freedom.

In Britain, „freedom of the seas” was correlated with the economic doctrine of „free trade” introduced by liberals: H. Martyn, A. Smith, R. Torrens, D. Ricardo. In fact, all the great Western powers imposed „unequal treaties” on the states of Latin America, Asia, and Africa in an age of „economic liberalism”. At the same time, the hypothesis that free trade favors international peace was refuted.

The doctrine of peaceful coexistence. Immediately after the end of World War II, both the US and the USSR adopted the first politico-military strategies of the Cold War and bipolar leadership of the world. Washington enacted the H. Truman Doctrine of the „damming of communism” worldwide. In response, the USSR launched the Zhdanov Doctrine, which enshrined the division of the Earth into the „imperialist” (US and their partners) and „pacifist” camps led by the USSR. The peaceful coexistence between the two blocs, militarily organized in NATO and the Warsaw Pact, was accepted by Nikita Khrushchev in 1956 and by all North American presidents since H. Truman and D. Eisenhower.

Peaceful coexistence included nuclear detention and disarmament dialogue between superpowers. In 1975, the Eastern and Western states organized cooperation structures under the Helsinki Accords, which also accepted the recognition of human rights. The end of the Cold War extended the principles of „peaceful coexistence” between all the great nuclear powers.

The *Brezhnev doctrine* of 1968 aimed at restricting the right of socialist states to independent policies (the doctrine of limited sovereignty). *The Sinatra doctrine*, promoted by M. Gorbachev, allowed (since 1989) each socialist state to decide its own path of development.

The „*new world order*” doctrine was embodied by President George Bush (1989-1993), focusing on the strategic priority of the United States after the collapse of the USSR. In principle, the Wilsonian tradition of respecting international law, promoting liberalism and democracy was resumed. In 1990-1991, Washington organized a grand coalition with the UN to liberate Kuwait. The „new world order” is also associated with the „doctrine of democratic peace”.

The *Clinton doctrine* placed at the center of his „liberal” conception the expansion of democracy, the support of democratic regimes as basic elements of

international security. It was a soft power strategy (doctrine), marked by military interventions to impose peace or having a „humanitarian character”. S. Nye served as Deputy Secretary of Defense, and was a remarkable soft power theorist. Under the influence of a Republican-dominated Congress, President B. Clinton's strategy became increasingly „interventionist” and „unilateralist” and culminated in NATO (1999) attacks on a restricted Yugoslavia.

The doctrine of American unilateralism. The G. Bush presidential team was staffed by numerous moderate conservatives (C. Powell, C. Rice) and by radical neoconservatives and Wilsonian realists (D. Rumsfeld, P. Wolkowitz, J. Ashcroft). The 9/11 terrorist attacks provided an opportunity for the new administration to engage in the „war on international terrorism” and to carry out military campaigns in Afghanistan after 2001 and Iraq after 2003.

The concept of the „axis of evil” (North Korea, Iran, the authoritarian states) that had to be fought by the USA and the „democratic community” also materialized. At the same time, NATO has expanded to Central and Eastern Europe, with prospects for implementation in other areas. In addition, Washington has adopted preventive and preemptive war strategies. American unilateralism and the numerous actions of „export of democracy” from several countries determined the reaction of the other powers: the relations between Russia and China were strengthened within the Shanghai Cooperation Organization; UNASUR in Latin America the BRICS (an organization made up of China, Brazil, Russia, India and South Africa) were created. Unilateralism had to be abandoned by 2008-2009, in the conditions of the global economic crisis, the rise of emerging states, the establishment of the Eurasian Union and the return of Russian Federation and China to the strategies of "spheres of influence".

The doctrine of spheres of influence. Spheres of influence are spaces controlled by regional centers of power (great powers) that include states placed in central positions and „satellite” states. Areas of influence have promoted the United States in Latin America (the Monroe Doctrine) or in Western Europe, through the Marshall Plan and NATO. During the Cold War, Moscow „vassalized” the socialist states of the Warsaw Pact until 1990-1991. A „sphere of co-prosperity” pursued imperialist Japan in East and Southeast Asia between 1941-1945.

After the end of the Cold War, Moscow returned to the system of spheres of influence through the organization of the CIS, the Collective Security Treaty and the Eurasian Union. And China is striving to create a sphere of influence in East and Southeast Asia. The „Near Neighborhood” also enters the Russian sphere of influence. The EU also has a „neighborhood” doctrine.

The doctrine of multipolarity. The multipolar system accepted in principle by all the great powers and by the majority of the UN states does not exclude the participation in the global and regional governance of the international organizations. Multipolarity also takes into account: US-Russian nuclear-military bipolarity and US-China economic bipolarity. In turn, the EU accepts multipolarity, as do China, Russia, India, Brazil, etc. Multipolarity (expressed by the IMF, WB, G8, G20, OECD, UN

Security Council) is associated with regionalization (formation of EU, ASEAN, MERCOSUR, NAFTA, BRICS “blocs”) and transnationalization.

The North American doctrine of the Pacific „pivot”. From 2008-2009 the administration of President B. Obama decided to move the center of American interests to East Asia, Southeast Asia and the Pacific. The new orientation would be justified by China's rise to the rank of global-regional economic, political and military power. To this end, negotiations for the Pacific Free Trade Agreement have been inaugurated and strategic cooperation with Japan, South Korea, Australia, New Zealand and ASEAN has been strengthened.

Conclusions

The political doctrines of modern era have been implicitly correlated with the defining issue of international security within the system of states. The methods and procedures by which the states pursued and continue to ensure their own national interest and security in the context of balance of forces in the global and regional arenas proved to be essential.

References:

1. Alexandrescu G. Amenințările la adresa securității, Editura Universității Naționale de Apărare, București, 2004. – 24 p.
2. Foy G.H, Roth B.R. Democratic Governance and International Law, Cambridge Univ. Press, 2000. – 585 p.
3. Frunzeti T. Globalizarea securității, Editura Militară, București, 2006. – 364 p.
4. Frunzeti T., Zodian V. (coord.), Lumea de azi. 2015, RAO, București, 2015. – 610 p.
5. Nolan J.E. (Ed.) Global engagement: cooperation and security in the 21st century. Washington, D.C.: Brookings Institution, 1994. – 623 p.
6. Pîrnea V. Dimensiunea de securitate și apărare a Uniunii Europene, ECTEA, București, 2005. – 252 p.
7. Rachman G. China, Russia and the Sinatra doctrine. In: Financial Times, 24 th November, 2014 [on-line]. – URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/74419cd6-71a7-11e4-b178-00144fe-abdc0.html#axzz3QPu0BDY9> (accessed on 15.02.2021)

THE IMPACT OF THE BREXIT ON BRITISH OVERSEAS TERRITORIES

*Cebotari Svetlana,
State University of Moldova,
Chisinau, Moldova*

*Budurina-Goreacii Carolina,
State University of Moldova,
Chisinau, Moldova*

E-mail: svetlana.cebotari@mail.ru

Abstract. The exit of Great Britain from the European Union, "Brexit", respectively "British exit", has become one of the most important processes that trouble and concern the European world and not only. The impact of Brexit on British-European relations is considerable. This article aims to highlight the main consequences of Brexit on the British overseas territories.

Key words: impact, Brexit, British overseas territories.

Britain's exit from the European Union, "Brexit", respectively "British exit", is one of the most spectacular and important processes that trouble and concern the European world and beyond [4]. Organizing a referendum on the withdrawal of Britain from the European Union was one of the election promises made in early 2013 by Conservative leader David Cameron. At the time, European community leaders, including the British Prime Minister, were optimistic about the outcome, in the confidence that Britain's citizens would vote to continue on the European path. Held on June 23, 2016, the result of the referendum was 51.9% for exit, the remaining 48.1% voting for remaining in the Union [1]. However, the vote was split between the component countries of the United Kingdom. Thus, England and Wales voted to leave, while Scotland and Northern Ireland voted to remain in the European Union. This result led to the resignation of Prime Minister David Cameron, a supporter of Britain's stay in the European Union, and the appointment of Theresa May as prime minister, with the extremely complex task of negotiating the country's withdrawal from the European Community. During the debate on the referendum, a number of arguments were highlighted regarding the need for Britain to leave the European Union. These arguments can be grouped according to three main considerations: economic, political and security. Regarding the economic aspects, two considerations were particularly highlighted.

Firstly, the fact that membership of the European Union undermines Britain's relations with emerging markets, namely India or China, with which there is no trade agreement. Leaving the EU would allow a diversification of economic relations.

Secondly, economic policies would no longer depend on Brussels' decisions, so that by lowering taxes on corporations, investments and other incentives, they would maintain and increase jobs, the headquarters of international banks and companies.

Regarding the political aspects, the issues concerned legislative considerations. The large number of laws, directives and decisions coming from Brussels and the European Court of Justice is considered unacceptable. It was considered necessary for the British courts to become sovereign again. Here can be added some aspects related to the attempt at European federalization, categorically rejected by the British who are moving towards decentralization to the regions and to the level of the Scottish Parliament / Parliament in Wales, etc. A second consideration concerns the influence that the United Kingdom should have in the system of international relations. This is a consequence of the imperial idea, in the sense that for about three hundred years the British Empire was a world system of dependent territories - colonies, protectorates and other territories - under the sovereignty of the British Crown and under the administration of the British government. The policy of granting or recognizing significant degrees of self-government of dependent territories, which were favored by the very large size of the empire, led to the use, in the twentieth century, of the notion of British Commonwealth, which largely included dependent territories with a degree of self-government under a more symbolic British sovereignty. In 1931 the term was transformed into a statute and today the Commonwealth includes the former spaces of the British Empire, in a free association of sovereign states [2].

Following this vote, the British Government launched the withdrawal process on 29 March 2017, by activating Article 50 of the Treaty on European Union. Thus, in October 2019, the leaders of the EU 27 and the British side reached a political consensus on the Agreement on the withdrawal of the United Kingdom from the EU. It was subsequently approved by the UK authorities and the EU and entered into force on 1 February 2020 [5].

The British decision to leave the European Union (EU), formalized in the Exit Agreement, opens the door from 2021 to a political and economic experience with global repercussions, involving the remnants of the old British Empire, from Gibraltar to the Falklands and the South Atlantic. It is known that the United Kingdom has 14 overseas territories (BOTs) scattered around the world, 10 of them as part of the decolonization process supported by the United Nations. Only one, Gibraltar, had a voice and a vote in Brexit. The other nine were directly associated with the EU through the Overseas Territories Association Decision adopted in 2013 by the European Council. However, despite the efforts of the representatives of the 14 Overseas Territories (BOTs) in London and other EU members, and of Prime Minister Boris Johnson's promises to give them priority in negotiations with Brussels, the exit agreement concluded on 31 December expressly left the overseas territories. Thus, analyzing the impact of Brexit on overseas territories, it should be noted that they will

be affected by lack of economic aid or restricting access to their products through export quotas or payment of tariffs. In this scenario, it will be tested as never before for its "modern relationship" with BOT, at least from a commercial and technical point of view, will depend exclusively on London's assistance to compensate for the EU's dominant presence.

Analyzing the effects of Brexit on the economies of the British overseas territories, some negative aspects can be highlighted. In this context, it is worth mentioning the loss of advantages such as: the key provisions of the 2013 SAD for the British Overseas Territories included objectives such as establishing closer economic relations between the BOT and the EU; improving competitiveness and strengthening the resilience of BOTs.

But there have also been pre-Brexit financial instruments whose loss will have direct consequences for BOT. The total EU bilateral funding for all OCTs through the European Development Fund (EDF) in the period 2014-2020 had a budget of EUR 30.5 billion. There were also funds provided by the European Investment Bank (EIB) and funds from the EU's general budget for research, environment, education, innovation and competitiveness. The EU has become one of the key players in the BOT's relationship with the rest of the world. Among other things, a significant volume of foreign trade for most BOTs was with the EU, largely due to the possibility of free access to their exports without payment of tariffs or quotas. Similarly, EU financial support to the UK's overseas territories helps in a number of key areas, including strengthening economic capacity and diversifying the productive matrix, adapting and mitigating climate change and sustainable energy development. Other key elements in the relationship between the EU and the British Overseas Territories concerned the free movement of the populations of these territories in the Schengen area and the institutional relationship with the EU itself, which is very valuable for those territories in international dispute. The benefits of EU membership and the complications of leaving it, have a much greater impact on BOTs. Anguilla, a territory of almost 15,000 inhabitants in the Caribbean, had the sole source of development of the island in support of the EDF. The Virgin Islands, due to their GDP, cannot qualify for loans from other countries and have relied exclusively on EU funds.

A particular case is the Falkland Islands. The greatest impact of Brexit for BOTs is generally eminently economic in nature, but in the case of the Falkland Islands the implications of the British abandonment of the integrated European space are deeper. Thus, in the Falklands, we can assume the existence of two possible consequences related to Brexit: one economic and the other political. It is estimated that almost 80% of total exports of the islands (fish, meat and other agricultural products), which amounts to 300 million dollars per year, were destined for the EU for its tariff benefits: almost 75% of the islands' GDP depended on access to the European market. Of this total, fisheries accounted for 41% of GDP and, of this percentage, 94% were exported to the EU. Moreover, the island fishing industry benefits from various provisions of the SAD, such as the definition of the concept of originating products. The fishing industry, by selling fishing licenses for a period of 25 years, in flagrant contradiction

SCIENCE TIME

with United Nations resolutions, has used the fleets of other countries, especially Spain, for the exploitation of fishing.

Without the benefits of the SAD, which allows registered fleets or the flag of a Member State of the Union to operate in BOT industries, it would be almost impossible for Falkland to export its products to the European market. The island government suggested to the British Parliament that "any major change that would lead to less beneficial access to imports / exports could be catastrophic for the economy and population of the Falkland Islands".

The effects of Brexit on the islands are already visible. As of January 1, 2021, the island's exports are subject to World Trade Organization (WTO) tariffs. According to WTO provisions, the islands can only trade between 6% and 18% for fish products and 42% for meat. These restrictions represent a drop of more than £ 10 million for the Falkland Islands' economy "a catastrophic economic blow", as defined by the illegitimate island government. In turn, the Falkland Islands are left out of the European Economic Development Fund (EDF), aid to encourage the financial and social growth of overseas countries and territories, where the islands have received EUR 5.9 million in budget support. This has contributed to the "Las Islas Plan, 2014-2018", with the aim of diversifying the economy, in particular in relation to reducing dependence on the fishing industry.

Brexit also has an impact on the political dimension. On political issues, the biggest concern of the illegitimate British government in the islands is that Brexit would remove the obligations of other Member States to recognize and accept that the overseas territories are part of the United Kingdom and could consequently lose support from the rest of Europe and that this generates greater support for Argentina in the sovereignty dispute. Since the beginning of the Brexit process, British influence and the support of its former European partners have diminished considerably. In this context we could bring the following examples:

- the loss of the British judge at the International Court of Justice (the first time in history when a permanent member of the UN Security Council does not have a magistrate at the Court in The Hague).
- the lack of support from European countries throughout the Consultative Opinion process before the International Court of Justice conducted by the Republic of Mauritius in relation to British actions on the Chagos Archipelago.
- the veto power granted by Brussels to Spain in any decision concerning Gibraltar, while negotiating an agreement with the United Kingdom.

As former British Foreign Secretary William Hague said: "We risk losing the guaranteed solidarity of 28 nations in terms of British sovereignty over the Falklands, including those with strong ties to Latin America, such as Spain and Italy". Brexit reveals a new range of possibilities for the Falklands issue, with as yet unknown consequences in trade and diplomacy, which could allow new opportunities for Argentina to finally resolve the sovereignty dispute. The EU is the main destination for island exports. With the imposition of tariff barriers or quotas for its products, the Latin American market is offered as an attractive possibility. But access to them

requires Argentina's consent, given the sovereignty dispute and regional support for the national position.

The aspect of sovereignty is more sensitive. Until now, European countries have shyly followed the British position, as the islands were recognized as the overseas territory of the United Kingdom in the Treaty of Lisbon. After Brexit, this support could weaken, as there would be no such obligation under the European Constitutional Pact. EU Foreign Affairs and Security Policy spokesman Peter Stano announced that there would be no change in the recognition of British sovereignty over overseas territories. In other words, the same position will be maintained - only for the EU as a bloc: the non-declaration of sovereignty controversies while they exist unresolved. In any case, both outside and inside the EU, the UK continues to an important influence on the international arena, and the situation requires an accurate assessment. Argentina's central and inalienable goal is to regain the exercise of the sovereignty of the Falkland Islands: this implies a strategic dimension that conditions any decision [3].

Conclusions

The EU has repeatedly emphasized its support for a regulated withdrawal of the United Kingdom from the Union. It has reached an agreement to withdraw from the United Kingdom to ensure that there will continue to be cooperation on various issues to the benefit of both parties. Brexit is a consequence of some of Britain's internal realities, but also a consequence of imperfections in the functioning of the European Union. Based on the situation created, it is worth mentioning that the European project is a reality that must exist because this reality offers political, social and economic opportunities.

References:

1. Caseta tehnică: Efectele posibile ale Brexit-ului pentru economia mondială. – URL: <https://www.bnm.md/ro/content/caseta-tehnica-efectele-posibile-ale-brexit-ului-pentru-economia-mondiala>
2. Chiriac M. BREXITUL, între necesitate și oportunitate. – URL: <https://revista.unap.ro/index.php/revista/article/view/356>
3. Los llamados Territorios de Ultramar Británicos ante el Brexit. – URL: <https://www.embajadaabierta.org/post/los-llamados-territorios-de-ultramar-brit%C3%A1nicos-ante-el-brexit?fbclid=IwAR1fFFMeczWoLimdYa8RNiDC15EEoVBoYxBZn7edCYFgWOxtmuJB7vsfulQ>
4. Medar S. BREXIT. impactul asupra securității europene. – URL: <https://monitorulapararii.ro/brexit-impactul-asupra-securitatii-europene-1-34737>
5. Regatul Unit al Marii Britanii și Irlandei de Nord din Uniunea Europeană – BREXIT Re. – URL: <https://www.edu.ro/brexittragerea>

АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИИ КОМПЛАЕНС-КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКИХ БАНКАХ

*Шаймарданов Шахзод Робертович,
Институт управления бизнес-процессами и экономики
Сибирского федерального университета, г. Красноярск*

E-mail: shakhzodbeksh@gmail.com

Аннотация. Банковский сектор – это сфера обращения денег, как заемных, так и собственных, принадлежащих участникам гражданского оборота. Деньги всегда являются потенциальным объектом коррупционных посягательств, в связи с чем в банковской сфере антикоррупционный комплаенс-контроль приобретает особое значение.

Ключевые слова: банковский сектор, комплаенс-контроль, Базельский комитет, аудит, коррупция; финансы, риск, контроль.

Основным назначением банковского комплаенс-контроля, равно как и комплаенс-контроля в иных сферах, является обеспечение деятельности банка в соответствии с требованиями законодательства. Такой контроль осуществляется на постоянной основе.

Базельский комитет в 2015 году разработал следующие основные ключевые принципы комплаенс-контроля в банке [1]. Наиболее важными из них являются:

- организация комплаенс-контроля в банке и контроль за службой комплаенс-контроля возлагается на наблюдательный совет банка;
- комплаенс-служба названа «ключевым компонентом второй линии обороны» банка, что определяет ее ведущую роль в обеспечении законности деятельности банка;
- разработка комплаенс-политики относится к компетенции высшего руководства банка, наблюдательный совет и руководитель банка отвечает за ее реализацию и воплощение в деятельности банка;
- принципом деятельности службы комплаенс-контроля является ее независимость, в том числе, от руководства банка, поскольку в функции службы включены, в том числе, выявление антикоррупционных проявлений;
- комитет особенно отмечает, что служба комплаенс-контроля должна обладать достаточным объемом полномочий и авторитетом для возможности осуществления реального контроля за всеми сферами деятельности банка.

Если проводить аналогию службы комплаенс-контроля с государственными органами, то можно сказать, что ее функции аналогичны функциям прокуратуры, которая надзирает за соблюдением закона.

Банковский комплаенс-контроль основан на контроле за деятельностью всех отделов банка, которые, в свою очередь, действуют в жестко регламентированных рамках. Банковская деятельность – это жесткие процедурные операции, каждая из которых регламентирована или подзаконным правовым актом Центрального банка, или внутренним актом (положение, инструкция, стандарт) самого банка. Среди нормативных актов, регламентирующих банковский комплаенс, следует выделить такие, как антикоррупционные правовые акты, правовые акты в области информационного обмена, в области корпоративных отношений, антимонопольные требования и т.д. Банк России также принял ряд правовых актов в области комплаенс-контроля: Положение Банка России от 16.12.2003 № 242-П «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах» [2], Письмо Банка России от 30.06.2005 № 92-Т «Об организации управления правовым риском и риском потери деловой репутации в кредитных организациях и банковских группах» и иными актами [3].

Внедрение службы комплаенс-контроля в банке всегда осуществляется в следующем порядке (по Д.А. Дубову) (рис. 1).

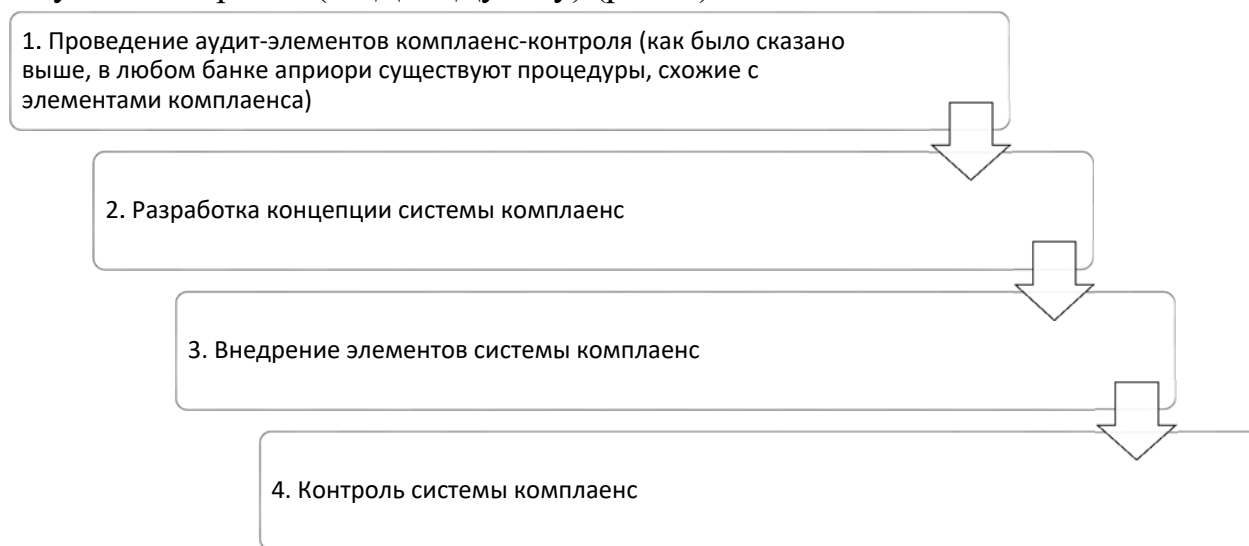

Рис. 1 Этапы внедрения службы комплаенс-контроля в банке [4]

В каждом банке издаются внутренние документы, регламентирующие комплаенс-контроль, как правило, это регламенты, положения или программы,, которые в своей структуре содержат такие элементы, как:

- вводная часть – определение задач и целей банковского комплаенс-контроля;
- основные инструменты банковского комплаенс-контроля;
- организационные основы комплаенс-контроля;
- методы выявления банковских рисков;
- методы контроля.

Процедуры организации банковского комплаенс-контроля входят в систему управления банковскими рисками и они могут быть представлены в виде следующей последовательности (по В.Ю. Абрамову):

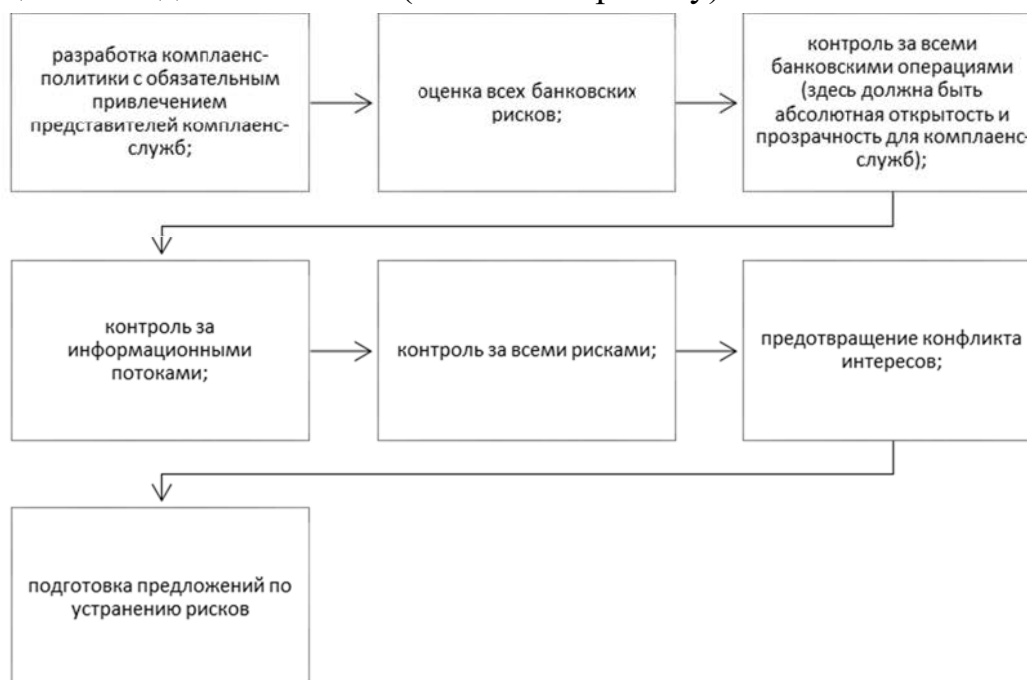

Рис. 2 Последовательность процедур банковского комплаенс-контроля [5]

Организационно в каждом банке создается служба комплаенс-контроля, которая действует на основании положения о нем и координирует подразделения банка в области работы по управлению различного рода рисками, включая коррупционные риски.

Рассмотрим организацию комплаенс-контроля на примере самых крупных банков России – по рейтингу активов на 1 октября 2020 года (приложение 1).

Лидером по размерам активов в России является ПАО «Сбербанк». В Сбербанке комплаенс-контроль организован по следующим направлениям:

- инсайд и манипулирование – в части защиты прав инвесторов, приобретших ценные бумаги Сбербанка;
- антикоррупционный комплаенс-контроль – контроль за недопущением коррупционных нарушений, как указано в документах банка, – Сбербанк придерживается концепции «нулевой толерантности» к коррупции, любые коррупционные проявления запрещены;
- экономические санкции – контроль реализации экономических санкций Группе банков Сбербанка;
- финансовый мониторинг – противодействие отмыванию денег, финансированию терроризма и т.д.;
- FATCA/CRS – Сбербанк прошел процедуру регистрации в Налоговой службе США (IRS) в статусе финансового института, соблюдающего требования FATCA;

– сертификация по стандартам ISO – в Сбербанке действуют эффективные системы противодействия коррупции и комплаенс-менеджмента. Их соответствие международным стандартам подтверждено сертификатами ICA

– горячая линия комплаенс – при выявлении любого нарушения любой клиент банка вправе обратиться на горячую линию и сообщить о выявленном им нарушении [6].

Антикоррупционный комплаенс-контроль Сбербанка представлен следующим образом. Как уже было указано, во взаимоотношениях с клиентами Банк ориентирован на принцип «нулевой толерантности» к коррупции, что обозначает, что членам команды Сбербанка в любых обстоятельствах запрещено прямо или косвенно, лично или через посредничество третьих лиц предлагать, давать, обещать, просить и получать взятки для упрощения административных, бюрократических и прочих процедур в любой форме.

В Сбербанке с 2018 года также разработана и действует Политика по противодействию коррупции [7], которая имеет своими целями выявление, предотвращение и минимизацию случаев противоправного, неэтичного, коррупционного поведения работников Банка.

Ключевым в антикоррупционного комплаенс-контроля Сбербанка является понятие самого коррупционного нарушения. Ранее уже было указано, что понимание коррупции столь широко, что до сих пор не выработано единого его понимания, хотя в целом и общем оно едино в научной среде и в нормативно-правовом толковании. Соответственно, и в п.п. 3.1 и 3.2 Политики по противодействию коррупции ПАО «Сбербанк» под коррупционными нарушениями понимаются такие нарушения, как: дача и получение взятки, коммерческий подкуп, использование своего служебного положения, или своих возможностей в личных целях, совершенные лично или через третьих лиц, в том числе, посредством упрощения административных процедур, а также в результате которых предоставляется или получается имущество, деньги или имущественные права.

Итак, подводя итоги анализу организации комплаенс-контроля в российских банках, можно отметить, что де-юре, он в банках присутствует, при этом общей тенденцией является выделение самостоятельного подразделения банка, в функции которого входит организация комплаенс-контроля; разработка локальных правовых актов в этой сфере, включая антикоррупционную политику. Де-факто антикоррупционный комплаенс-контроль в российских банках сводится к системе управления рисками, при этом одним из рисков является риск коррупционного нарушения, который может привести к прямым убыткам банка. Антикоррупционный комплаенс-контроль в российских банках не отработан как единая обязательная процедура, несмотря на рекомендации Базельского комитета, изданные еще в 2015 году. До настоящего момента организация этого направления работы с рисками осуществлена формально и на практике в общей массе российских банков не реализована.

Литература:

1. Принципы корпоративного управления для банков. Рекомендации Базельского комитета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/content/document/file/36687/basel_cgpb.pdf
2. Положение Банка России от 16.12.2003 № 242-П (ред. от 04.10.2017) «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах» // Вестник Банка России. – 2004. – № 7.
3. Письмо Банка России от 30.06.2005 № 92-Т (с изм. от 12.10.2016) «Об организации управления правовым риском и риском потери деловой репутации в кредитных организациях и банковских группах» // Вестник Банка России. – 2005. – № 34.
4. Дубов Д.А. Внедрение системы комплаенс контроля в кредитных организациях // Инновационная наука. – 216. – № 1. – С. 118.
5. Абрамов В.Ю. Руководство по применению комплаенс-контроля в различных сферах хозяйственной деятельности. – М.: Юстицинформ, 2020. – С. 45.
6. Официальный сайт ПАО «Сбербанк» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sberbank.com/ru/compliance>
7. Политика ПАО «Сбербанк» по противодействию коррупции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/harmony_society/anticorruptionpolicyrus.pdf
8. Актуальные вопросы современного конкурентного права: сборник научных трудов / Д.М. Ашфа, И.В. Башлаков-Николаев, О.А. Беляева и др.; отв. ред. М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2019. Вып. 3. – 164 с.
9. Астанин В.В. О реалиях и задачах корпоративного антикоррупционного комплаенс // Мониторинг правоприменения. – 2017. – № 3. – С. 4-8.
10. Афера века: то случилось с Энрон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.ihodl.com/opi№io№/2015-11-03/afera-veka-cto-sluchilos-s-e№ro№/>
11. Барсукова С.Ю. Коррупция: научные дебаты и российская реальность // Общественные науки и современность. – 2008. – № 5. – С. 54-59.

ОПАСНОСТИ, УГРОЖАЮЩИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

*Сарикулов Мадрайим Хасанович,
Ташкентский государственный технический университет
им. Ислама Каримова, г. Алмалык, Республика Узбекистан*

E-mail: smadrayim@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена опасностям, угрожающим современной цивилизации и человечеству. Рассмотрены исследования в области определения опасности жизнедеятельности человечества.

Ключевые слова: опасности, цивилизация, организованная преступность, терроризм, информационная безопасность, здравоохранения, генетическая безопасность, наркомания.

Перед мировым сообществом стоит целый ряд опасностей, которые угрожает существованию человечества на современном этапе. Это, прежде всего, демографическая проблема, порождаемая перенаселением, миграцией, старением и являющаяся одной из первопричин ряда других глобальных опасностей. Одной из опасностей, угрожающей современной цивилизации и человечеству, является экологическая катастрофа с ее многочисленными составляющими, в том числе изменением глобального климата и истощением озонового слоя. К ним также относятся проблемы войны и мира, проблемы природных катастроф и техногенной безопасности, проблемы энергетики, бедности, занятости, нехватки продовольствия, межэтнического противостояния, религиозной нетерпимости, организованной преступности, терроризма, информационной безопасности, здравоохранения, генетической безопасности, наркомании, деградации духовно-нравственной сферы и др.

Исследования, связанные с изучением опасностей, угрожающих цивилизации, и их роли в жизнедеятельности человека, длятся в течение ряда столетий. С древнейших времен изучение всевозможных опасностей, угрожавших человечеству, считается актуальным, и в наше время данная проблема приобретает важную роль в современном мире. Изучение проблем опасностей, угрожающих человечеству, в современном мире становится все более проблематичным. Эта проблема является общей для всего человечества, так как данная проблема имеет всеобщий характер и в наше время она приобретает особую значимость. Основная цель данной работы заключается в

изучении тех вопросов, которые в наибольшей степени угрожает человеческому существованию на современном этапе.

Толчком к полному осознанию глобальных опасностей для человечества послужило изучение последствий возможного применения ядерного оружия, изготовленного в 50-60-х гг. XX века. Неожиданно оказалось, что это оружие представляет собой угрозу не только для противника, но и для всего человечества, для всей окружающей среды. Осознание страшной опасности потрясло народы, заставило открыть глаза на глобальные угрозы, которые представляет потенциальную опасность всему человечеству во всем мире. Еще при экспериментальном подрыве первой атомной бомбы на полигоне США в Лос-Аламосе в 1945 г. собранные там ведущие ученые-физики всего западного мира неожиданно поняли следующее: у них нет уверенности в том, не охватит ли цепная ядерная реакция бомбы вещество всей планеты. Не превратится ли в результате взрыва наша Земля во вторую звезду Солнечной системы? В дальнейшем, проводя исследования эффективности действия ядерного оружия на противника, ученые – опять неожиданно для себя и своих политических и военных заказчиков – выявили, что даже «ограниченная» ядерная война будет означать либо исчезновение рода человеческого, либо его деградацию до уровня ниже доисторического.

Из числа всевозможных опасностей наибольшую угрозу для всего человечества представляют астероидная опасность. По оценкам участников международной конференции «Астероидная опасность-96» [1] отмечена, что столкновение Земли с объектами типа Тунгусского метеорита возможно один раз в сто лет (существует определенная вероятность). При попадании такого размера метеорита в густо населенные районы Земли могут погибнуть одновременно миллионы людей, а с учетом насыщения некоторых регионов химическими предприятиями и наличия в них АЭС – высока вероятность глобальной катастрофы. Существует научное предположение о том, что столкновение Земли с астероидом размером 500 метров и более немедленно приведет к глобальной катастрофе и к уничтожению жизни на Земле. Вероятность столкновения с таким астероидом оценивалась на уровне не чаще одного случая на сотни тысяч лет. Однако в какой точке данного периода это может произойти? 19 мая 1996 года на расстоянии всего 450 тысяч километров от нашей планеты пролетел астероид размером от 300 до 500 километров со скоростью 20 км/сек. При столкновении произошел бы взрыв, эквивалентный взрыву примерно 3000 мегатонных ядерных бомб. К счастью, Земля опоздала к месту встречи на несколько часов. 25 мая того же года второй космический пришелец размером в 1,5 км пролетел в трех миллионах километров от нас. Две встречи с крупными астероидами в течение одной недели! С такими опасными феноменами земная цивилизация столкнулись впервые.

Ионина И. и Кубеев М. [2] считают, что одной из опасностей, представляющий угрозу существованию человечества и цивилизации, является

стихийные бедствия. Природные катаклизмы приводят к человеческим жертвам и колоссальным убыткам, размеры которых зависят не только от интенсивности самих бедствий, но и от уровня развития общества и его политического устройства. Отмечается рост числа стихийных бедствий. Статистически подсчитано, что в целом на Земле за последние 100 лет количество человеческих жертв от стихийных бедствий ежегодно в среднем составляло 16 тыс. Как правило, стихийные бедствия происходят внезапно, полностью опустошают огромные территории, наносят большой урон жилищам, имуществу, коммуникациям и источникам питания. Например, разрушительная сила землетрясения становится причиной массовых жертв, что, в свою очередь, может привести к голоду и распространению опасных инфекционных заболеваний. Бывало, что природные бедствия приводили к значительным политическим переменам, как например, при образовании государства Бангладеш.

В исследованиях [3] отмечено, что на современном этапе ситуация на планете резко изменилась: опасности от жизнедеятельности человечества вдруг приобрели совершенно небывалый прежде глобальный характер. При этом в опасности находится не просто человечество, но и окружающая среда, природа, сама жизнь на Земле. Наступила новая фаза в развитии цивилизации, в которой первой и главной целью людей должно стать уже не столько удовлетворение непрерывно растущих материальных потребностей, как было всегда до сих пор, сколько всестороннее обеспечение безопасности своей жизнедеятельности. На современном этапе весь мир топчется на месте, не зная, что делать с теми опасностями, которые возникают, как по волшебству, одна за другой. Стоящие перед человечеством и до сих пор нерешенные глобальные проблемы несут существенные угрозы безопасности цивилизации и человечеству.

На современном этапе, на наш взгляд, самой большой опасностью для человечества является COVID-19. Перед COVID-19 человечество ощутило себя совершенно беззащитным, как перед лицом незнакомого и поразительно коварного врага. Распространение вируса COVID-19 началось с китайского города Ухань. В декабре 2019 года там произошла мощная вспышка этого заболевания. На сегодня в мире официально зафиксировано 115 173 954 заболевших коронавирусом COVID-19 в 193 странах. На данный момент коронавирусной инфекцией в активной фазе болеет 47 505 050 человек. Общее количество смертей от корона вируса составляет 2 559 254 человек. Летальность коронавируса в мире на текущий момент составляет 2,22%. Не исключено, что в недалеком будущем появятся новые, неизвестные в настоящее время болезни.

В заключении хотим отметить, что основная часть опасностей и угроз, представляющих опасность человечеству, эффективных решений не находит. Проблемные вопросы порой достигают критического состояния и сопровождаются различного рода бедствиями. В результате складываются угроза возникновения опасных ситуаций различного характера и масштаба, что может привести к дестабилизации условий существования всего человечества.

Литература:

1. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.hypernova.ru/zvezd/news/asteroid_threat_96
2. Ионина Н., Кубеев М. Сто великих катастроф. – М.: Вече, 1999.
3. Сарикулов М.Х., Адилов Т.Т. Некоторые вопросы гражданской защиты на современном этапе // Вопросы науки и образования. – 2019. – № 2 (58). Сборник научных трудов по материалам II Международной заочной научно-практической конференции. Вопросы естественных, технических наук и медицины (Москва, 2-3 июля 2019 года).

ПОНЯТИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Янь Цзин,
*Foreign languages institute of Huaiyin
Institute of Technology, Huaiyin, China*

E-mail: czfjing@163.com

Аннотация. Анализ углубленного энергетического сотрудничества Китая и России, как, впрочем, и других государств, требует обращения к теоретическим вопросам, о чем и пойдет речь в данном исследовании.

Ключевые слова: понятие, энергетическая безопасность, Китай, Россия, современные исследования.

Впервые понятие «энергетическая безопасность» нашло отражение в официальных документах развитых стран под влиянием энергетических кризисов 1973 и 1978 гг. Под ней подразумевалась прежде всего нефтяная безопасность, которая включала в себя меры стран-потребителей по предотвращению перебоев в поставках нефти и скачков цен на нее на мировых рынках.

Впоследствии понятие «энергетическая безопасность» стало включать в себя и стабильные поставки газа. Актуальность проблемы энергетической безопасности оказала влияние и на появление различных форм истолкования понятия «энергетическая дипломатия» [1] в зависимости от методов, которые использует государство, организация либо группа стран в своей энергетической политике.

Исследователи энергетической безопасности государств анализируют методы ее обеспечения, обусловленные национальными особенностями, которые зависят от энергетического потенциала страны и разнящихся опасностей в энергетической сфере [2]. Они раскрывают сущность и содержание энергетической безопасности и дают ее определение. Однако многие из этих определений нечетки, громоздки, порой двусмысленны и не отражают сути и содержания этого феномена.

В последнее время при изучении энергетической безопасности ученые учитывают фактор неравномерного ресурсообеспечения стран, который формирует базовые разногласия относительно способов ее обеспечения. Разногласия, в свою очередь, обусловлены противоположными интересами стран, экспортирующих энергоресурсы и стран, приобретающих их.

Неравномерное развитие энергетики в разных странах, по мнению исследователей, порождает напряженность и контрпродуктивное соперничество [3].

Среди существующих подходов к концепции энергетической безопасности можно выделить несколько школ.

Представители **первой школы** исследуют политические аспекты данной проблематики. Они рассматривают такие проблемы, как устойчивость внешних рынков, надежность поставок, цен, конфликты вокруг транзита энергоресурсов и другие текущие проблемы; изучают проблемы влияния энергетической политики на укрепление национальных интересов своих государств. Для представителей данного направления важно объяснить причины возникающих напряженностей и показать пути их решения. Россия, по их мнению, представляет собой поле борьбы и поиска компромисса и форм сосуществования между частным и государственным типами хозяйствования в энергетике [4].

Вторая школа представлена учеными-экономистами, которые занимаются прогнозами экономического роста и энергопотребления, анализом факторов, влияющих на долгосрочное развитие энергетики, проблемами диверсификации источников энергии, борьбы между атомной и теплоэнергетикой, основанной на газе, проблемами транзита. Представители данного направления предлагают модели и варианты будущих решений.

Третья школа представлена как академическими экологами, так и национальными и международными неправительственными организациями (НПО). Сфера интересов этих ученых сосредоточена вокруг вопросов устойчивого развития и экологии. Главный тезис – проблемы глобальных экологических и климатических изменений не находят достаточного отражения в реальной политике. Суть их предложений – перебросить исследовательские ресурсы и капиталовложения на разработку возобновляемых источников энергии. Однако по ряду причин многие идеи, выдвигаемые экологами и учеными, трудно осуществить быстро и коммерчески эффективно, они очень дороги.

Представители названных школ едины в том, что государства в лице национальных правительств должны и обязаны обеспечить свои страны и всё человечество энергоресурсами для экономического и социального развития, причем сделать это с учетом требований долгосрочной экономической и экологической устойчивости.

При всех существующих различиях и подходах к проблемам энергетической безопасности представители всех школ сходятся в главном: нельзя больше откладывать решение вопроса о том, что, собственно, мир собирается делать по поводу исчерпаемых источников энергии и атомной энергетики в долгосрочном плане. Решения, которые будут приняты, определяют энергетику всего XXI в.

В последние годы понятие «энергетическая безопасность» существенно расширилось. В широком плане эта проблема понимается как состояние

защищенности экономики от угроз надежному топливно- и энергообеспечению. Появились и разнообразные определения понятия «энергетическая безопасность», представленные как в официальных документах государств и международных организаций, так и в монографиях и научных статьях ученых. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» энергетическая безопасность характеризуется как одно из «главных направлений обеспечения национальной безопасности на долгосрочную перспективу» [5].

Председатель Совета Союза нефтегазопромышленников России, Председатель Совета директоров института энергетической стратегии Ю.К. Шафраник под энергетической безопасностью подразумевает триаду: ресурсная достаточность, экологическая доступность и технологическая (и экологическая) допустимость энергоснабжения [6].

В законодательстве РФ под энергетической безопасностью прежде всего понимается стабильное обеспечение энергоснабжения потребностей. Однако это упрощенное определение понятия «энергетическая безопасность РФ» в методическом плане требует доработки. По мнению российских ученых, энергетическая безопасность РФ должна представлять собой органическую систему, включающую в себя ряд взаимосвязанных элементов: субъекты энергетической безопасности, объекты энергетической безопасности и источники энергии, виды энергии, средства доставки энергии, условия энергетической безопасности, виды энергетической безопасности (по источникам энергии, по объектам обеспечения энергией, по средствам доставки), социальную среду энергетической безопасности, природную среду энергетической безопасности, вызовы, угрозы, риски энергетической безопасности, тенденции развития, основные направления развития и иные [7].

Десятки определений термина «энергетическая безопасность» используются в нормативных документах других стран мира и международных организаций. Так, Международная энергетическая ассоциация (МЭА) формулирует понятие «энергетическая безопасность» следующим образом: «Энергетическая безопасность – непрерывная доступность к энергетическим ресурсам по экономически доступной цене». При этом выделяются два аспекта: долгосрочный, связанный с регулярными инвестициями в развитие энергетики в соответствии с экономическим ростом и экологическими потребностями, и краткосрочный, связанный со способностью энергосистемы адекватно реагировать на внезапные изменения спроса и предложения в энергобалансе [8].

Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК) отмечает семь составляющих понятия энергетической безопасности, в том числе: взаимность (безопасность спроса так же важна для производителей, как и безопасность предложения для потребителей энергоресурсов) и универсальность (одинаково применима для развитых и развивающихся стран). При этом в основе энергетической безопасности должны лежать следующие главные элементы устойчивого развития: экономический рост, защита окружающей среды, социальное развитие, борьба с бедностью, современность энергетических услуг,

предоставляемых потребителям, целостность стоимостной цепочки (разведка, добыча, переработка и сбыт ресурсов одинаково важны), единство во времени (равнозначность краткосрочной и долгосрочной энергетической безопасности), технологическое развитие, сотрудничество заинтересованных сторон.

В нормативно-правовых документах Евросоюза под энергетической безопасностью понимается физическая доступность энергоресурсов по экономически доступной цене. В США это максимальная самообеспеченность энергоресурсами, увеличение энергетической эффективности, освоение нетрадиционных видов энергии и увеличение стратегических нефтяных резервов.

Для лучшего понимания различных подходов российский эксперт С. Жизнин предлагает рассматривать энергетическую безопасность на трех уровнях: энергетическая безопасность (1) отдельных государств, (2) групп государств и (3) глобальная, или международная, энергетическая безопасность [9].

Министерство энергетики и изменения климата Великобритании констатирует, что энергетическую безопасность можно разделить на непосредственную безопасность на физическом уровне, ценовую безопасность и геополитическую безопасность [10].

Анализ перечисленных выше определений понятия «энергетическая безопасность» свидетельствует о том, что это понятие отражает только общие стратегические цели и проблемы, существующие в энергетической сфере на национальном и международном уровнях. Подавляющее большинство таких определений энергетической безопасности характерно для стран, не располагающих достаточными энергетическими ресурсами, в том числе и для Китая. В КНР существует единый общий подход к определению энергетической безопасности государства, который отражает позицию КПК и правительства КНР. Большинство китайских ученых поддерживают официальную точку зрения, которая отождествляет энергетическую безопасность страны с нефтяной безопасностью. Эту точку зрения в своей работе «Нефтяная безопасность Китая» (Пекин, 2014) обосновал известный китайский ученый У Лэи. Он раскрывает особенности нефтяной безопасности, ее проблемы и перспективы. По его мнению, китайская стратегия энергетической безопасности предполагает полномасштабное использование внутреннего потенциала, направленного на повышение энергоэффективности, расширение ресурсной базы и разумный импорт недостающих энергоресурсов. Именно это положение является ключевым в энергетической стратегии Китая до 2030 г. У Лэи и другие известные китайские ученые предлагают конкретные меры по обеспечению энергетической безопасности своего государства, которые включают:

- 1) развитие внутренних традиционных источников энергии (угля, нефти и газа);
- 2) сокращение удельного потребления энергии за счет повышения его эффективности, развития энергосберегающих технологий;

- 3) использование альтернативных источников энергии;
- 4) обеспечение стабильного развития энергетической отрасли при разумном сочетании рыночных отношений с государственным регулированием;
- 5) создание стратегических запасов энергоресурсов.

Разрабатывая определение понятия «энергетическая безопасность», ученые пытаются определить причины возникновения угроз, тенденции их развития, степень дестабилизирующего возрастания, масштаб влияния и др. В наиболее общем виде к угрозам энергетической безопасности они относят различные факторы и события, которые могут вызвать нарушения энергосбережения, нанести ущерб интересам государства. Проблема энергетической безопасности государства многоаспектна и учитывает широкий спектр угроз на пути ее обеспечения.

Китайский исследователь Фан Тинтин классифицирует эти угрозы по разным критериям:

- 1) по масштабу – национальные и глобальные;
- 2) по степени опасности – реальные и потенциальные;
- 3) по отношению к государству – внутренние и внешние;
- 4) по источнику происхождения – техногенные, экономические, природные, социальные, экологические, политические.

Проблема нейтрализации угроз в энергосфере, считает он, стоит перед всеми странами, но состав и особенности рисков для каждой страны индивидуальны. При этом политическая составляющая присутствует всегда в любом риске. Обеспечение энергетической безопасности является важной сферой деятельности страны, где для решения этой задачи задействуется регулирующая и контролирующая функции государства [11].

В исследовании проблемы обеспечения энергетической безопасности государства ключевым является экспортно-импортный аспект. Неслучайно ученые изучают характер взаимодействия основных факторов международных энергетических отношений и степень их персонального влияния на мировые энергетические процессы, прослеживают тенденции расширения участников мирового энергорынка.

Так, эксперты и разработчики российской энергетической политики пытаются изучать и знать все нюансы энергетической стратегии своих главных партнеров по энергетическому сотрудничеству. Эти нюансы и аспекты учитываются российской стратегией, в которой четко отражены интересы страны в нефтегазовом взаимодействии, прежде всего, с крупным покупателем российских углеводородов, таким как Китай.

Главное в обеспечении энергетической безопасности государства, считают ученые, состоит не столько в проблеме отсутствия или наличия ресурсов, сколько в вопросе взвешенной государственной энергетической политики и умения эффективно использовать полученные от реализации энергоресурсов доходы.

В Указе Президента РФ В.В. Путина от 31.12.2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» говорится, что необходимыми условиями обеспечения энергетической безопасности являются повышение эффективности государственного управления топливно-энергетическим комплексом, надежность и бесперебойность поставок энергоресурсов потребителям, обеспечение технологического суверенитета страны на мировом энергетическом уровне [12].

Итак, в обобщенном виде основными теоретическими положениями, исследуемыми учеными в области энергетической безопасности, являются следующие: энергетическая безопасность является частью национальной безопасности и заключается в защищенности государства от всех возможных негативных событий, способных нарушить бесперебойное снабжение страны энергией.

По мнению аналитиков, процесс обеспечения энергетической безопасности в государствах складывается под влиянием индивидуальной ресурсной составляющей, степени экономического развития, пространственного компонента, геополитических целей, формирующих разные опасности энергосфере этих стран. В зависимости от этих особенностей в каждой стране выработан свой механизм постоянного преодоления угроз и обеспечения энергетической безопасности. Главная угроза для энергосферы стран-импортеров углеводородов состоит в отсутствии или недостаточном количестве собственного энергетического сырья, что обуславливает внешнеполитическую активность этих стран в налаживании связей по диверсификации поставщиков [13]. В этих странах растет также понимание того, что глобальной угрозой энергетической безопасности является низкая энергоэффективность их экономик. Соответственно, решение проблем своей энергобезопасности такие страны видят, прежде всего, в международном энергетическом сотрудничестве, которое открывает им не только доступ непосредственно к энергоресурсам, но и к технологиям, позволяющим вовлекать в эксплуатацию местные нетрадиционные источники энергии. В этом плане характерно высказывание Председателя КНР Ху Цзиньтао на расширенной сессии саммита G8, состоявшегося в 2008 г. в г. Тояко (Япония): «В целях обеспечения глобальной энергетической безопасности нам необходимо разработать и внедрить новую концепцию энергетической безопасности, которая должна базироваться на принципах взаимовыгодного сотрудничества, признания разнообразных форм развития и общей энергобезопасности» [14]. О международном энергетическом сотрудничестве говорит и нынешний лидер КНР Си Цзиньпин. В своем докладе на XIX съезде КПК он подчеркивает: «Проблемы сотрудничества в сфере обеспечения международной энергетической безопасности обуславливают необходимость разработки концепции обеспечения международной энергетической безопасности» [15].

Основополагающим при обеспечении международной энергетической безопасности является Договор к Энергетической хартии (ДЭХ). Европейская

энергетическая хартия (1991 г.) и Договор к Энергетической хартии (1994 г.) стали первыми международно-правовыми документами, позволяющими международному сообществу в определенной степени решать взаимосвязанные задачи – экономического роста энергетики, энергетической безопасности и защиты экологии [16].

Литература:

1. Симонов К.В. Энергетический протекционизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusoil.ru/opinions/o22.12.06_25html/
2. Кашулин Д.А. Энергетическая безопасность как исследовательская задача политической науки.
3. Балашова А.А. Особенности современной энергетической политики Китая. – С. 15.
4. Григорьев Л. Введение: поиск нового пути в мировой энергетике // Экономическое обозрение. – 2006. – № 4. – С. 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://civilg8.ru/media/energy/FIEF.pdf> (дата обращения: 25.08.2017)
5. Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года: утв. указом Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 (ред. от 01.07.2014). Документ утратил силу с 31 декабря 2015 г. в связи с изд. указа Президента РФ от 31.12.2015 № 6830 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.11.2016)
6. Шафраник Ю.К. Глобальная энергетика и Россия: ключевые вопросы // Энергетическая политика. – 2009. – Вып. 3. – С. 12.
7. Неуймин В.М., Курочко М.И. Энергетическая безопасность Российской Федерации. Особенности терминологии // Энергетик. – 2015. – № 5. – С. 30.
8. Power Games: Some countries want to use energy as a political weapon. That is harder than it looks // The Economist. – 2006. – Jan 5.
9. Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика.
10. Building a Resilient UK Energy System: Working Paper / M. Chaudry, P. Ekins, K. Ramachandran [et al]. – L.: Research Centre, 2009. – 113 p.
11. Фан Тинтин. Энергетическая политика Китая на современном этапе. – С. 21.
12. Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года: утв. указом Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 (ред. от 01.07.2014).
13. Кашулин Д.А. Энергетическая безопасность государства в современном политическом процессе: отечественный и зарубежный опыт. – С. 21.
14. 金建宏. 2010-2012年中俄能源合作前景与总结. 人民日报. 2010年12月15日. Цзинь Цзяньхун. Итоги и перспективы китайско-российского энергетического сотрудничества 2010-2011 гг. // Жэньминь жибао. – 2010. – 15 дек.

15. Левинзон С.В. Экология и энергетическая безопасность (законодательная и нормативная база) // Энергия: экономика, техника, экология. – 2017. – № 3. – С. 66.
16. Ковалев А.А., Шилова Н.Л. Международно-правовые аспекты обеспечения энергетической безопасности // Моск. журнал междунар. права. – 2008. – № 3. – С. 61-77.
17. Friedman T. The first Law of Petropolitics // Foreign Policy. – 2006. May/Jun. P. 28-36.
18. Малащенко А. Цена вопроса // Коммерсант. – 2010. – 21 сентября. – С. 8.

АНАЛИЗ МАГНИТНЫХ ЦЕПЕЙ ДАТЧИКОВ ТОКА С МНОГОВИТКОВЫМИ СЕРДЕЧНИКАМИ

*Шойимов Йулчи Юсупович,
Ташкентский государственный технический университет
им. Ислама Каримова Алмалыкский филиал,
г. Алмалык, Республика Узбекистан*

E-mail: shoimov@yahoo.com

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам анализа магнитных цепей датчиков тока с многовитковыми сердечниками. Рассмотрены разработки датчиков тока традиционного типа.

Ключевые слова: магнитная цепь, концентрические ферромагниты, дифференциальные уравнения, магнитный поток, бесконтактные электромагнитные датчики.

Для преобразования больших токов широко применяются бесконтактные электромагнитные датчики. В Ташкентском институте инженеров железнодорожного транспорта разработан датчик больших токов (ДБТ) с многовитковым сердечником (МВС) [1]. Магнитная цепь этого датчика имеет свои особенности: во-первых, если во многих известных конструкциях магнитных систем с распределенными параметрами перераспределение магнитного потока по длине цепи происходит через воздушный зазор с одного полюсного наконечника (ферромагнитного стержня) на другой, то в разработанном ДБТ с МВС силовые линии магнитного поля переходят через воздушный зазор с одного витка на другой виток одного и того же сердечника, во-вторых, намагничивающая обмотка или шина с преобразуемым током и измерительная обмотка одновременно охватывают несколько витков МВС, в третьих, если в традиционных ДБТ, в которых МВС охватывает шину с преобразуемым током, источник МДС находится в самом МВС, то в дистанционных ДБТ источник МДС находится вне МВС [2]. Кроме того, если в магнитных цепях гальваномагнитных ДБТ с несколькими концентрическими ферромагнитными кольцами [3] кольцевые зазоры между соседними ферромагнитными кольцами являются рабочими, то в исследуемой в данной статье магнитной цепи разработанного ДБТ с МВС зазоры между соседними витками МВС являются нерабочими. Эти обстоятельства существенным образом влияют на распределение магнитного поля в рабочих и нерабочих зазорах.

Поэтому исследование магнитных цепей разработанных ДБТ с МВС представляет определенный интерес.

На рис. 1 приведена магнитная система разработанного датчика тока традиционного типа. С целью упрощения анализа пренебрегаем боковыми потоками рассеяния и выпучивания. Также будем считать, что магнитные емкости воздушного зазора между соседними витками МВС одинаковые. Проведенные экспериментальные исследования магнитных цепей ДБТ с МВС показали, что эти допущения не вносят ощутимых неточностей в расчетах, однако существенно упрощают анализ этих цепей.

Как было показано в [4], для магнитных цепей датчиков с распределенными параметрами и без подвижной части наиболее эффективным методом является классический метод составления и решения дифференциальных уравнений.

Составим на основании законов Кирхгофа дифференциальные уравнения для магнитных потоков в витках МВС и магнитных напряжений между ними, создаваемых магнитодвижущими силами (МДС) $f_r = F_r / \alpha_m$ в витках МВС для элементарного участка магнитной цепи $d\alpha$ (рис. 2):

$$\frac{dQ_{\mu 1}}{d\alpha} = U_{\mu 12} C_{\mu m 12}, \quad (1)$$

$$\frac{dQ_{\mu 2}}{d\alpha} = U_{\mu 23} C_{\mu m 23} - U_{\mu 12} C_{\mu m 12}, \quad (2)$$

$$\frac{dQ_{\mu n}}{d\alpha} = U_{\mu(n-1),n} C_{\mu m(n-1),n}, \quad (3)$$

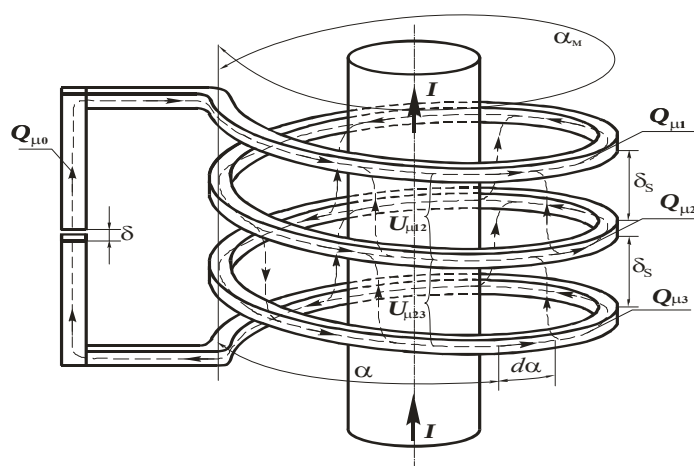

Рис. 1 Магнитная цепь разработанного традиционного ДБТ с тремя витками МВС

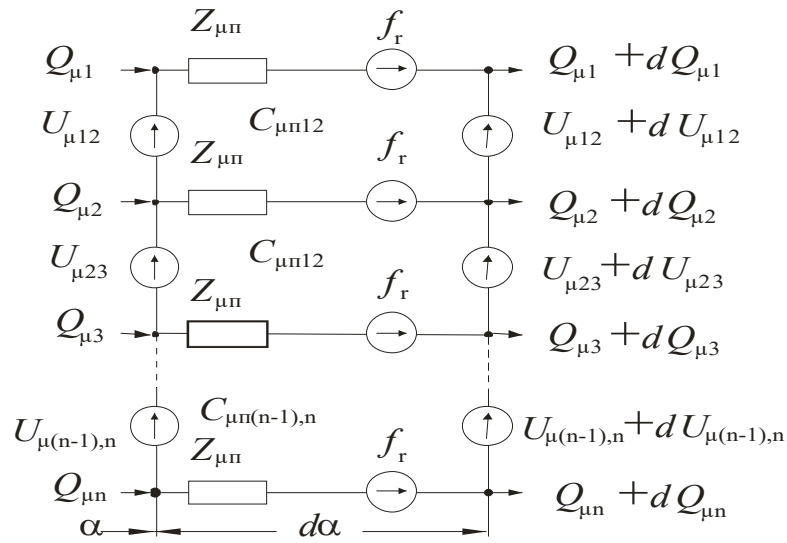

Рис. 2 Схема замещения элементарного участка линейной магнитной цепи $d\alpha$

$$\frac{dU_{\mu 12}}{d\alpha} = (Q_{\mu 1} - Q_{\mu 2})Z_{\mu 1}, \quad (4)$$

$$\frac{dU_{\mu(n-1),n}}{d\alpha} = [Q_{\mu(n-1)} - Q_{\mu n}]Z_{\mu n}, \quad (5)$$

где $Q_{\mu i}$, $U_{\mu(i-1),i}$ – соответственно магнитный поток в i -ом витке и магнитное напряжение между соседними $(i-1)$ и i витками МВС, созданное МДС f_r распределенной обмотки с измеряемым током; α , α_m – угловая координата и её максимальное значение; $Z_{\mu i}$, $C_{\mu(i-1),i}$ – соответственно погонная значения магнитного сопротивления i -го витка МВС и магнитной емкости нерабочего зазора между его соседними $(i-1)$ и i витками, приходящиеся на единицу угла магнитной цепи; $i=1, 2, \dots, n$.

Продифференцировав (4), (5) и поставляя в них (1), (2) и (3), получим следующую систему линейных дифференциальных уравнений второго порядка, которая является математической моделью магнитной цепи разработанного датчика тока с n витками МВС:

(6)

Решим систему (6) для магнитной цепи датчика с двумя витками сердечника, т.е. $n = 2$. Тогда система уравнений (6) принимает следующий вид:

(7)

Общее решение дифференциального уравнения (7) имеет следующий вид:

(8)

где $\gamma = \sqrt{2Z_{\mu\Gamma}C_{\mu\Gamma}}$ – коэффициент распространения магнитного потока в магнитопроводе; C_1, C_2 – постоянные интегрирования.

Интегрируя (1), (2) с учетом (8) находим выражений для магнитных потоков Q_{u1} и Q_{u2} :

(9)

(10)

Граничными условиями для рассматриваемой магнитной цепи являются:

(11)

здесь $Z_{\mu 0}$, $Q_{\mu 0}$ – магнитное сопротивление участка цепи, соединяющей концы МВС и магнитный поток в нем соответственно.

Подставляя граничные значения магнитного напряжения U_μ в соответствии (11) получим систему алгебраических уравнений для определения C_1 и C_2 . Решая эту систему одним из методов, например, методом Крамера, находим:

$$\begin{cases} C_1 = \frac{Z_{\mu 0} Q_{\mu 0} (1 - e^{\gamma \alpha_m})}{4sh(\gamma \alpha_m)}, \\ C_2 = -\frac{Z_{\mu 0} Q_{\mu 0} (1 - e^{\gamma \alpha_m})}{4sh(\gamma \alpha_m)}, \\ C_3 = C_4 = \frac{2Z_{\mu 0} Q_{\mu 0} \frac{C_{\mu m}}{\gamma} [ch(\gamma \alpha_m) - 1] + 4Q_{\mu 0} sh(\gamma \alpha_m)}{4sh(\gamma \alpha_m)}. \end{cases} \quad (12)$$

Подставляя найденные значения $C_1 - C_4$ по (12) в выражений (8)-(10), получим:

$$U_\mu = \frac{Z_{\mu 0} Q_{\mu 0}}{2sh(\gamma \alpha_m)} \{sh[\gamma(\alpha_m - \alpha)] + sh(\gamma \alpha)\}, \quad (13)$$

$$Q_{\mu 1} = \frac{Z_{\mu 0} C_{\mu m} Q_{\mu 0}}{2sh(\gamma \alpha_m)} \{ch(\gamma \alpha) - ch[\gamma(\alpha_m - \alpha)] + ch(\gamma \alpha_m) - 1\} + Q_{\mu 0}, \quad (14)$$

$$Q_{\mu 2} = \frac{Z_{\mu 0} C_{\mu m} Q_{\mu 0}}{2sh(\gamma \alpha_m)} \{ch[\gamma(\alpha_m - \alpha)] - ch(\gamma \alpha) + ch(\gamma \alpha_m) - 1\} + Q_{\mu 0}. \quad (15)$$

Для определения значения магнитного потока $Q_{\mu 0}$ составим следующее уравнения для замкнутого контура исследуемой магнитной цепи на основании второго закона Кирхгофа:

$$Z_{\mu m} \int_0^{\alpha_m} Q_{\mu 1} d\alpha + Z_{\mu m} \int_0^{\alpha_m} Q_{\mu 2} d\alpha + Z_{\mu 0} Q_{\mu 0} = 2F_r. \quad (16)$$

Подставляя значений $Q_{\mu 1}$, $Q_{\mu 2}$ в соответствии с (14), (15) в (16) интегрируя их находим:

$$Q_{\mu 0} = \frac{4F_r sh\beta}{Z_{\mu 0} [2sh\beta + \beta(ch\beta - 1)] + 4Z_{\mu m} \alpha_m sh\beta}, \quad (17)$$

где $\alpha^* = \alpha/\alpha_m$ – угловая координата в относительных единицах; $\beta = \gamma \alpha_m$ – коэффициент затухания магнитного потока в магнитопроводе.

С учетом (17) выражения (13)-(15) переписутся как:

$$U_{\mu} = \frac{2F_r Z_{\mu 0} \{sh[\beta(1 - \alpha^*)] + sh\beta\alpha^*\}}{Z_{\mu 0} [2sh\beta + \beta(ch\beta - 1)] + 4Z_{\mu 1} \alpha_M sh\beta}, \quad (18)$$

$$Q_{\mu 1} = \frac{Z_{\mu 0} \beta F_r \{ch(\beta\alpha^*) - ch[\beta(1 - \alpha^*)] + ch\beta - 1\} + 4F_r Z_{\mu 1} \alpha_M sh\beta}{Z_{\mu 1} \alpha_M \{Z_{\mu 0} [2sh\beta + \beta(ch\beta - 1)] + 4Z_{\mu 1} \alpha_M sh\beta\}}, \quad (19)$$

$$Q_{\mu 2} = \frac{Z_{\mu 0} \beta F_r \{ch[\beta(1 - \alpha^*)] - ch(\beta\alpha^*) + ch\beta - 1\} + 4F_r Z_{\mu 1} \alpha_M sh\beta}{Z_{\mu 1} \{Z_{\mu 0} [2sh\beta + \beta(ch\beta - 1)] + 4Z_{\mu 1} \alpha_M sh\beta\}}. \quad (20)$$

Выражения (18)-(20) являются математическими моделями линейных магнитных цепей датчиков тока с МВС.

На рис. 3 приведены кривые зависимости $U_{\mu}^* = f(\alpha^*)$, $Q_{\mu 1}^* = f(\alpha^*)$ и $Q_{\mu 2}^* = f(\alpha^*)$ при разных значениях β и $Z_{\mu 0}$, построенные по результатам расчетов и эксперимента, где $U_{\mu}^* = \frac{U_{\mu}}{U_{\mu M}}$, $Q_{\mu 1}^* = \frac{Q_{\mu 1}}{Q_{\mu 1 M}}$, $Q_{\mu 2}^* = \frac{Q_{\mu 2}}{Q_{\mu 2 M}}$ – соответственно значения магнитного напряжения между витками МВС и магнитных потоков в соответствующих витках МВС в относительных единицах; $U_{\mu M} = U_{\mu}|_{\alpha=0} = U_{\mu}|_{\alpha=\alpha_M}$, $Q_{\mu 1 M} = Q_{\mu 2 M} = Q_{\mu 1}|_{\alpha=\alpha_M} = Q_{\mu 2}|_{\alpha=0}$ – максимальные значения U_{μ} , $Q_{\mu 1}$ и $Q_{\mu 2}$.

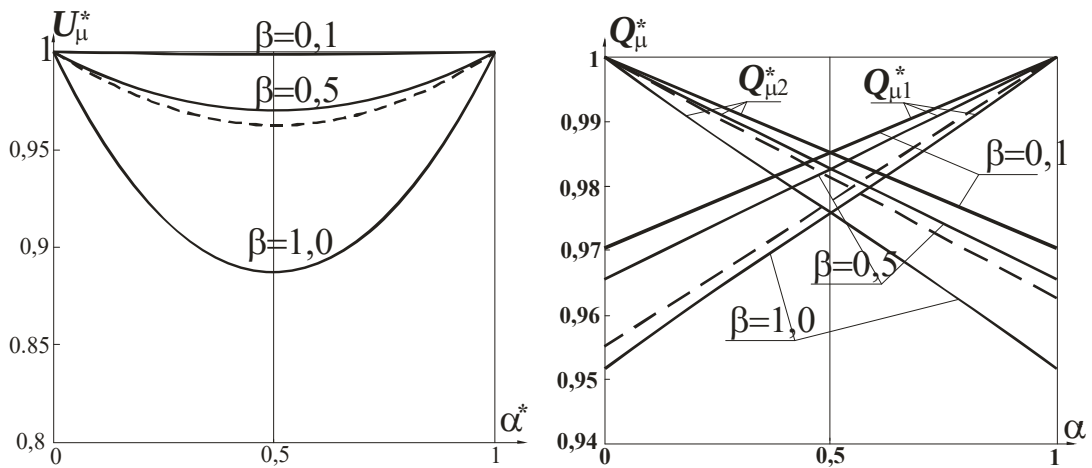

Рис. 3 Кривые зависимости $U_{\mu}^* = f(\alpha^*)$, $Q_{\mu 1}^* = f(\alpha^*)$ и $Q_{\mu 2}^* = f(\alpha^*)$ при разных значениях β и $Z_{\mu 0}$: сплошные кривые расчетные; пунктирные – экспериментальные.

Анализ полученных выражений и их кривых показал, что наибольшее значение магнитное напряжение достигает в начале и в конце МВС, а магнитный поток – в начале первого и в конце последнего витка МВС. С ростом коэффициента затухания магнитного потока в магнитопроводе β и магнитного сопротивления $Z_{\mu 0}$ участки цепи, соединяющей концы МВС степень непостоянства магнитного напряжения и магнитных потоков по координате α увеличивается.

Таким образом, в статье анализом линейных магнитных цепей традиционных ДБТ с МВС установлено, что: а) в них силовые линии магнитного поля переходит через воздушный зазор с одного витка на другой виток одного и того сердечника; б) намагничивающая обмотка или шина с преобразуемым током и измерительная обмотка одновременно охватывают несколько витков МВС; в) наибольшее значение магнитное напряжение достигает в начале и в конце МВС, а магнитный поток – в начале первого и в конце последнего витка МВС; г) с ростом коэффициента затухания магнитного потока в магнитопроводе β и магнитного сопротивления $Z_{\mu 0}$ участки цепи, соединяющей концы МВС степень непостоянства магнитного напряжения и магнитных потоков увеличивается.

Литература:

1. Патент РУз. №03617. Устройство для бесконтактного измерения токов / Амиров С.Ф., Халиков А.А., Балгаев Н.Е., Хушбоков Б.Х., Шойимов Й.Ю. // Расмий ахборотнома. – 2008. – № 3.
2. Амиров С.Ф., Шойимов Й.Ю., Хушбоков Б.Х. Дистанционные преобразователи больших токов с многовитковыми сердечниками // Вестник ТашИИТ. – 2006. – № 1. – С. 162-169.
3. Патент РУз. №03591. Устройство для преобразования постоянного тока в переменный / Амиров С.Ф., Халиков А.А., Балгаев Н.Е., Хушбоков Б.Х., Шойимов Й.Ю. // Расмий ахборотнома. – 2008. – № 2.
4. Амиров С.Ф., Суллийев А.Х., Балгаев Н.Е. Краткий обзор методов расчета магнитных цепей с распределенными параметрами // Проблемы энерго- и ресурсосбережения. – 2010. – № 1/2. – С. 195-202.

Журнал «Science Time»

Выпуск № 3/2021

В выпуске представлены материалы

Международных
научно-практических мероприятий

Общества Науки и Творчества

за март 2021 года

Россия, г. Казань

31 марта 2021 года

Компьютерная верстка
А.В. Сятынова

Издано при поддержке
«Общества Науки и Творчества»
г. Казань

